

АНДРЕА СТЮАРТ

СХВАТИВ НА ПЕРВОЙ ЖЕ СТРАНИЦЕ ЗА СЕРДЦЕ
И ГОРЛО, НЕ ОТПУСКАЕТ ДО КОНЦА.
— САРА ДЖ. МААС

ТОНУЩАЯ
ИМПЕРИЯ
КНИГА 2

ИМПЕРАТОР КОСТЯНЫХ ОСКОЛКОВ

Тонущая Империя

Андреа Стюарт

Император костяных осколков

«Азбука-Аттикус»

2021

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Стюарт А.

Император костяных осколков / А. Стюарт — «Азбука-Аттикус»,
2021 — (Тонущая Империя)

ISBN 978-5-389-21613-6

Император умер. Да здравствует император! Лин воссела на троне династии Сукай. Это стоило ей очень дорого, но борьба только начинается. Подданные отказывают Лин в поддержке, созданные ею союзы слабы. На северо-востоке собирается повстанческая армия конструкций, ее предводительница полна решимости взять престол силой. В Империю вернулись люди Аланги, легендарные могущественные маги. Они утверждают, что пришли с миром, и Лин хочет заручиться их помощью, чтобы справиться с мятежом и восстановить мир. Но можно ли доверять этим таинственным богоподобным существам? Впервые на русском!

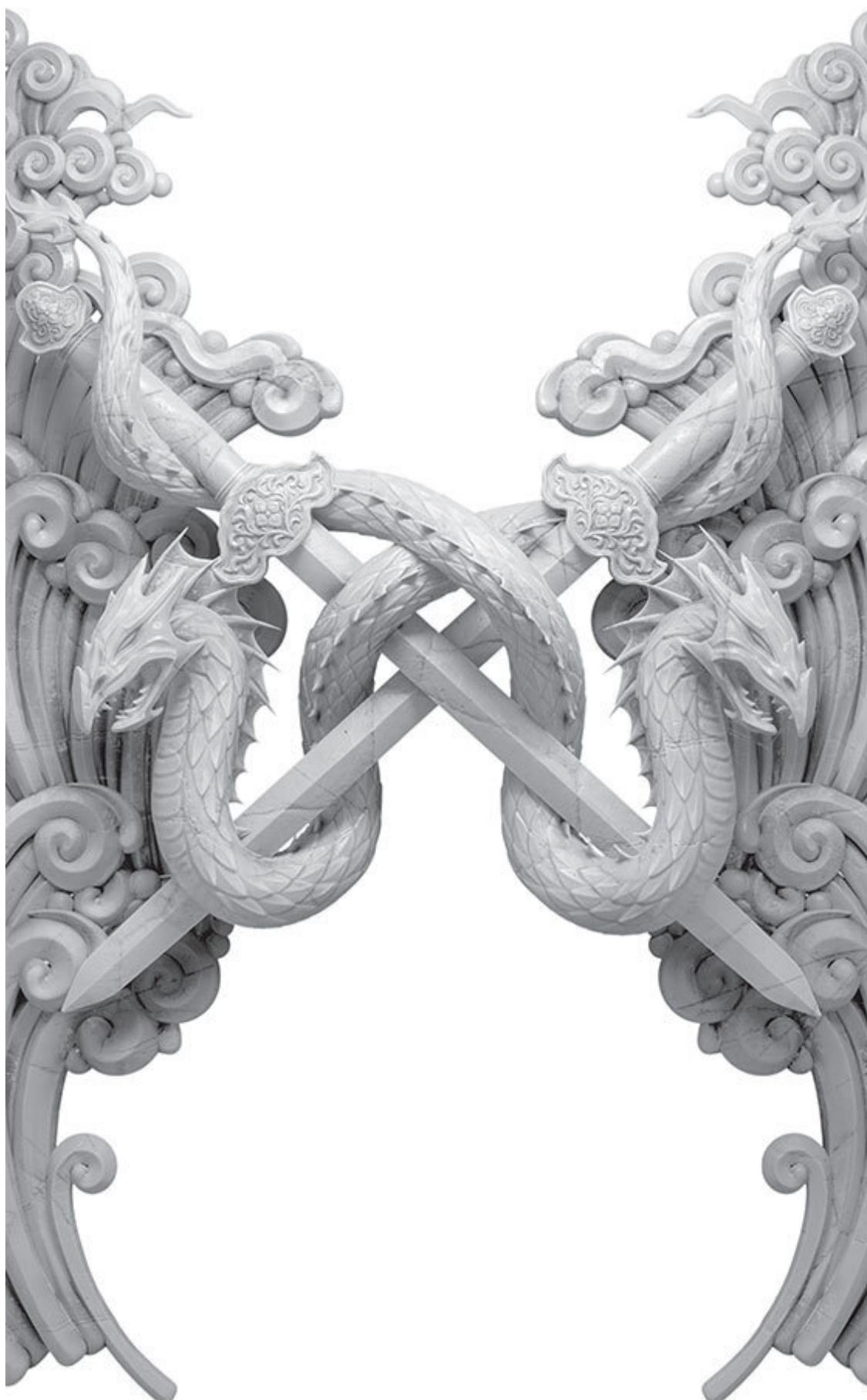
УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

ISBN 978-5-389-21613-6

© Стюарт А., 2021
© Азбука-Аттикус, 2021

Содержание

1	7
2	13
3	24
4	30
5	36
6	42
7	47
8	51
9	55
10	64
11	69
12	74
13	79
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Андреа Стюарт

Император костяных осколков

Джону, который всегда заботится о том, чтобы у меня было время писать. Говорят, что идеальных людей не бывает. Что ж, это определенно не так

Andrea Stewart
THE BONE SHARD EMPEROR

Copyright © 2021 by Andrea Stewart Inc.
Map illustration © 2021 by Charis Loke
All rights reserved

© И. Б. Русакова, перевод, 2022
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

1

Лин

Императорский остров

Я думала, что если у меня будут силы и средства, то я смогу поправить дела в Империи. Но оказалось, это все равно что выпалывать сорняки в заброшенном саду, причем когда вырываешь один сорняк, на его месте тут же вырастают два новых. При жизни отец задавал мне разные задачи и, похоже, после смерти оставил самую сложную.

Внизу поскуливала Трана, но я, не обращая на нее внимания, продолжала карабкаться по черепичной крыше. В императорском дворце не так много мест, где можно уединиться, по коридорам ходят слуги и стражники, и даже ночью всегда кто-нибудь бодрствует. Мой отец в любое время свободно перемещался по дворцу – никто не осмеливался задавать ему вопросов, даже я. Вероятно, этому способствовало то, что при нем конструкций во дворце было больше, чем слуг, а слуги боялись его до смерти.

Да, я не хотела быть такой, как отец, но это не значит, что я собиралась передвигаться по собственному дворцу тайком.

Обтерев рукавом мокрую черепицу, я подтянулась на гребень крыши.

Казалось, с тех пор как я забиралась сюда в последний раз, прошла целая жизнь, хотя на самом деле – всего несколько месяцев. Срок короткий, но недостаток физической активности сказался на моих мышцах. Первым делом надо было решить вопросы управления: нанять слуг, стражников и рабочих; отремонтировать и вычистить дома на территории дворца; выполнить кое-какие обещания отца, а некоторые распоряжения отменить.

И все это время за мной наблюдали. Людям было любопытно, что я намерена делать, и они пытались меня оценить.

Где-то внизу Йовис, назначенный мной капитан Императорской гвардии, вышагивал перед моей комнатой вместе со своим зверем. Йовис настоял, что будет лично меня охранять. Естественно, он делал перерывы на сон, но только после того, как его сменял кто-то из стражников.

Когда у тебя под дверью постоянно кто-то топчется, это реально действует на нервы. Йовис всегда хотел знать, где я и что делаю. Но могла ли я его в этом винить, если сама назначила ответственным за свою безопасность? Я не могла без серьезных на то оснований просто взять и приказать капитану и его гвардейцам оставить меня в покое. У моего отца была репутация злонравного, скрытного, живущего уединенно человека со странностями. Если бы я отдала такой приказ, все бы посчитали, что у меня такой же скверный характер.

Император подотчетен своим людям.

Я немного посидела на гребне крыши, вдыхая сырой воздух и запахи океана. Волосы прилипли к мокрой от пота шее. После смерти отца я заглянула во все не обследованные мной раньше комнаты, и выяснилось, что некоторые он вполне мог бы не запирать. В одних хранились картины, в других всякие безделушки – в общем, подарки с других островов. Я распорядилась, чтобы все это добро почистили и разместили в отремонтированных домах на территории дворца.

Но были и комнаты, в которые я бы не решилась никого впустить. Я еще не раскрыла все их секреты и не понимала до конца значения того, что там обнаружила. Любопытные глаза мне были ни к чему, и приходилось соблюдать осторожность.

Мне было что скрывать.

Я своему отцу не настоящая дочь. Он меня создал, вырастил в пещерах под дворцом. Если бы кто-нибудь об этом узнал, меня бы точно убили. На островах и без того давно зрело

недовольство правлением династии Сукай. Самозванку люди Империи Феникса терпеть бы не стали.

Двор внизу патрулировали два стражника. На крышу они не смотрели. А даже если бы и посмотрели, увидели бы какой-то темный силуэт на фоне затянутого тучами неба: ничего больше моросящий дождь не дал бы им разглядеть. Я сползла вниз по противоположному скату крыши, так чтобы оказаться над окном, которое, я точно знала, все еще было открыто. Ночь, несмотря на тучи и дождь, была теплой, а ставни во дворце закрывают, только когда поднимается настоящий шторм.

Я повисла на карнизе и нащупала ногами подоконник.

Это может показаться странным, но мне нравилось, как прежде, тайком передвигаться по коридорам дворца. Резец и связка ключей лежат в кармане на поясе. Все знакомо, я как рыба в воде.

Не в силах удержаться, я выглянула из-за угла – посмотреть на дверь в свою комнату.

Йовис еще там, и Мэфи рядом с ним. Он показывает своему зверю развернутую веером колоду лакированных карт. Мэфи протягивает лапу с перепончатыми пальцами и выбирает одну.

– Нет-нет-нет, – вздыхает Йовис, – если попытаешься бить «рыбой» «морскую змею», проиграешь.

Мэфи склоняет голову набок, садится на задние лапы и говорит:

– Кормишь рыбой морскую змею – делаешь змею своим другом.

– Так это не работает.

– Со мной так.

– Ты что – морская змея?

– Подожди, по-до-жди. – Мэфи прижимает уши.

Я спряталась обратно за угол и прислушалась – не идет ли кто. Играть в карты на посту у комнаты императора настоящий страж не станет. И это притом что Йовис лично охраняет меня по его собственному настоянию. Похоже, я сама виновата: назначила капитаном Императорской гвардии бывшего члена Иоф Карн и ставшего притчей во языцех контрабандиста. Но он спас уйму детей с Праздника десятины, и за это его очень полюбили в народе.

А вот мне как раз любви народа очень даже не хватало.

По пути в хранилище осколков, чтобы не попасться на глаза слугам и стражникам, приходилось то и дело нырять в боковые коридоры или прятаться за колоннами. Дверь открылась без проблем, и я проскользнула внутрь. Мышечная память подсказывала, как и куда двигаться. Я взяла стоявшую у косяка лампу, зажгла и прошла дальше. В этой комнате была еще одна дверь – с бронзовыми панелями, на которых был выгравирован дымчатый можжевельник.

Еще один замок, еще один ключ.

Я спускалась по темным тоннелям старой шахты, а лампа освещала грубый рельеф стен. Конструкции, которым отец поручил охранять тоннели, я вывела из строя, как только обрела силу. Другое дело конструкции, которые были рассеяны по всей Империи: одни свихнулись, другие попрятались. Только двух я могла назвать своими: Хао – маленькую шпионку, которой я переписала команды на повиновение только мне, и Бинг Тай. Хао погибла, защищая меня от отца. Остался один Бинг Тай.

На развилке я повернула налево. Открыла очередную дверь.

Я часто гадала, что делает отец, когда скрывается в своих запертых комнатах. И до сих пор не нашла ответа на этот вопрос.

Тоннель привел в пещеру. Это была лаборатория отца. Я разожгла расставленные на полу лампы. Часть пещеры занимал бассейн, рядом с бассейном было устроено рабочее место: стеллажи, металлический стол и корзины с разными непонятными инструментами. А еще деревян-

ный ящик, в котором отец хранил машину памяти. Здесь я нашла Трану. Она лежала под водой в бассейне и была присоединена к машине прозрачными трубками.

Как и всегда, первым делом я проверила бассейн. Темно-рыжая вода отражала свет лампы, и пришлось прищуриться, чтобы разглядеть лежащее на дне.

Это была точная копия моего отца с закрытыми глазами. Волну облегчения сменяет знакомый укол в сердце. Он так похож на Баяна... вернее, это Баян был похож на отца.

Но Баян погиб, помогая мне одолеть отца, а когда я по нему отгоревала, то поняла, что его уже не вернуть. У меня было тому доказательство.

Отец выращивал собственную копию, погрузив в бассейн свой отрезанный палец ноги. А меня он выращивал из частей людей, которые собирал по всей Империи. Он пытался вложить в меня воспоминания Нисонг, своей умершей жены. У него получилось, но лишь отчасти. Во мне поселились какие-то из ее воспоминаний, но ею я не стала.

Я – Лин. Я – император.

Даже если бы я смогла с помощью машины памяти наполнить эту копию воспоминаниями Баяна, Баяном она бы не стала.

Мне показалось, я что-то услышала. Я резко развернулась. Шаги? Лампы в пещере освещали только камни и воду. Я слышала стук собственного сердца, который грохотал у меня в ушах.

В этот момент охватившей меня паники я поняла, что теряю все, чего добивалась годами, изучая по ночам книги по магии осколков, теряю смелость, которую обрела, победив отца. Все это словно растворилось в воздухе, когда я поняла, что становлюсь параноичкой, что слышу звуки, которых нет и быть не может.

Как кто-то мог пройти сюда за мной без ключей? Как только двери закрывались, замки сразу защелкивались.

На металлическом столе были разложены книги и бумаги с записями отца. Забирать все это к себе в комнату мне не хотелось, там их могли увидеть слуги.

Вот сорняки, которые я пыталась выкорчевать: Безосколочное меньшинство, тонущие острова, неуправляемые конструкции и Аланга.

В лаборатории отца есть ответы на все мои вопросы, главное – их отыскать. Но это непросто. Записи моего предшественника разрозненные, а почерк неразборчивый. Несмотря на три запертые двери, отец писал так, будто опасался, что кто-то может найти эти книги. Все запутанно. Часто встречаются отсылки на уже сделанные им записи или на книги, но где искать эти записи, не указано, и названий книг тоже нет.

Это было похоже на попытку собрать пазл, не имея исходной картинки.

Я придвинула стул к столу, села и стала просматривать отцовские записи. Разболелась голова. В глубине души я верила, что если прочитаю достаточно записей и сделаю это много раз, то обязательно разгадаю секреты отца.

Но пока я узнала только то, что когда-то в далеком прошлом острова уже тонули в Бескрайнем море. У меня ладони потели от осознания того, что в те времена утонуло много островов, а мы пока были свидетелями того, как под воду ушел только один, Голова Оленя. Я до сих пор не знала, почему он утонул, не знала, когда это случится с каким-нибудь другим островом и можно ли как-то это предвидеть.

Об Аланге отец тоже должен был рассказать своей наследнице.

Кто они? И если они вернулись, что я должна сделать, чтобы их одолеть?

Я перевела взгляд на машину памяти.

В трубках, которые я отсоединила от Траны, еще оставалась жидкость. В одних была ее кровь, в других – что-то молочно-белого цвета. Я набрала то и другое в две разные фляжки, которые прихватила из дворцовой кухни.

В своих записях отец упоминал о том, что подпитывает память своих конструкций и мою тоже. Судя по всему, первые попытки отца разочаровали. Он не хотел уничтожать конструкции, в которых могли храниться воспоминания его умершей жены, но он был недоволен тем, как плохо они понимали суть Нисонг.

Я не знала точно, что отец сделал с теми конструкциями. Главной задачей для меня было найти, где он хранил воспоминания.

Откупорив обе фляжки, я поставила их рядом с разложенными на столе книгами. Я уже доходила до того, что нюхала ту, в которой была молочно-белая жидкость, но потом всегда ее закупоривала и снова начинала изучать записи Шияна, надеясь найти доказательства того, что память хранилась именно в этой жидкости.

Дошла ли я до той степени отчаяния, чтобы выпить это?

Это могло оказаться смазкой для машины, причем ядовитой.

Но часть этой жидкости вытекала из Траны. Я не знала, где отец ее нашел и что она вообще за существо. Она явно того же вида, что и Мэфи. А Мэфи Йовис подобрал в море в тот момент, когда остров Голова Оленя уходил под воду.

В Тране не было ничего ядовитого.

Да, я просто подыскивала оправдания, потому что хотела выпить хоть глоток этой жидкости. Хотела узнать. Я не могла знать, но догадывалась, чья память может в ней храниться. Шиян был старым и больным человеком. Он должен был постараться, пока еще жив, собрать свои воспоминания и поместить в свою копию.

В этой фляжке могла содержаться хотя бы часть нужных мне ответов. Империя Феникса балансировала на лезвии ножа. На что я готова пойти ради спасения своего народа? Нумин сказал, что людям нужен император, которому не все равно. И мне не все равно. Мне очень даже не все равно.

Я крепко сжала в руке фляжку, откупорила и быстро поднесла к губам, не оставив себе времени передумать.

Жидкость была холодной, но вкус все равно чувствовался. Станный сладковатый вкус меди заполнил мой рот. Я провела языком по зубам, подумала: вдруг смогу распробовать, не глотая. Это мог быть яд.

А потом на меня нахлынули воспоминания.

Я все еще в лаборатории, но все вокруг выглядит по-другому.

Появились еще три лампы. И Траны все еще лежит в бассейне. Мои руки устанавливают трубки в машину памяти. Руки у меня в пигментных пятнах, жилы просвечивают сквозь кожу. Я прикладываю слишком много сил, рука соскальзывает и ударяется о стенку ящика. Из ящика что-то резко выдвигается.

– Чтоб тебя, Дион!

Я чувствую досаду и бессилие одновременно. Всегда не одно, так другое. Устанавливаешь на место одно, другое тут же вываливается. Единственное, ради чего я живу, – эти опыты. Я думаю о Нисонг, вспоминаю ее темные глаза, представляю ее руку в своей руке, и у меня до боли сжимается сердце. Ощупываю нижнюю часть ящика и заталкиваю потайное отделение на место.

Непроизвольно бросаю взгляд в противоположный конец пещеры...

И после этого я снова оказалась в своем теле.

Неужели я побывала на месте отца? Я не могла поверить, что он был способен испытывать столь сильные чувства. Мне-то казалось, он вообще ничего не чувствует. Отец, которого я знала, был холодным и отстраненным от всех на свете.

Он действительно любил Нисонг. Не знаю, почему меня это так удивило. Возможно, потому, что я сама, как ни старалась, не смогла добиться его любви.

В воспоминании из ящика выдвинулось потайное отделение. Я на пробу стукнула ладонью по одной его стороне. Ничего не произошло. Тогда я прижала руку к тому месту, куда в воспоминании отец прижимал свою.

Что-то есть. Я нащупала небольшой выступающий прямоугольник и снова стукнула по ящику.

На этот раз получилось – потайное отделение наполовину выдвинулось. Я вытащила его до конца. Внутри лежал маленький серебряный ключ.

Мне хотелось смеяться и плакать одновременно. У отца всегда было столько секретов. Один внутри другого, а тот внутри третьего, и так до бесконечности. Его разум был подобен лабиринту, из которого он сам не мог выбраться.

А что, если он действительно растил меня как свою дочь? Если он отказался от дурацкой идеи поселиться в другом теле и вернуть свою умершую жену к жизни?

Ключ был холодным, а зубчики на бородке – острыми. Я обследовала все, какие смогла найти, запертые комнаты во дворце, значит этот ключ отпирал дверь в каком-то другом месте.

Я глянула в противоположную сторону пещеры – именно туда смотрел отец, когда задвигал потайное отделение на место. Мне казалось, что в пещере, кроме бассейна и рабочего стола, ничего не было, но, возможно, я просто недостаточно внимательно ее осмотрела.

Я подняла лампу. Сталагмиты блокировали проход к противоположной стене, так что пришлось идти туда, петляя, как олень в бамбуковой роще.

Наконец я дошла до свободного пятка у стены и огляделась. Ничего, только камень с поблескивающими кристаллами. Мне стало тоскливо. Хотя я ведь уже осматривала это место, глупо было надеяться найти там что-то новое.

Секреты внутри секретов.

Нет, тут точно что-то есть. Отец посмотрел в этом направлении, я пережила это воспоминание. Он не мог смотреть сюда просто так. Я это чувствовала.

Опустившись на колени, я поставила лампу и ощупала пол пещеры.

Пальцы наткнулись на маленькую, заполненную землей трещину.

Отложив ключ в сторону, я достала из кармана резец и вычистила им землю. Кто-то вырезал в полу каменную плиту, а потом поставил обратно. Я не ошиблась, там точно что-то было.

Используя резец как рычаг, я приподняла плиту. Резец погнулся, а я чуть ногти не сорвала, пока наконец не сдвинула ее и не положила рядом. В яме под каменной плитой обнаружилась откидная крышка люка с замочной скважиной.

Что же там такое, если отец решил держать это аж за четырьмя запертыми дверьми?

Серебряный ключ легко отпер замок. Петли были хорошо смазаны, так что люк открылся беззвучно. Опустив в дыру лампу, я увидела уходящую в темноту вертикальную лестницу, и больше ничего.

Там, внизу, могло быть что угодно. Я легла на пол и опустила в люк лампу, а заодно и голову.

Трудно разглядеть, что там, на дне глубокой пещеры, когда у тебя всего одна лампа и ты висишь вниз головой. Лестница оказалась длиннее, чем я предполагала, но я смогла разглядеть уступы вдоль одной стены.

Ладно, если уж я зашла так далеко, не идти же мне обратно за Йовисом, чтобы он составил мне компанию при спуске в логово отца? Я одолела отца и смогу спуститься в эту черную дыру сама.

Выбравшись обратно, я сунула резец в карман, зажала ручку лампы в зубах и поставила ногу на первую ступеньку лестницы.

Здесь было холоднее, чем в пещере с бассейном, и пахло сырой землей, хотя самой влаги нигде не было видно.

Наконец я сошла с последней ступеньки и с огромным облегчением взяла лампу в руку. У меня от нее челюсть за время спуска чуть не отвалилась.

Я размяла плечи, чтобы снять напряжение. Здесь я могла найти еще больше книг и записей, больше кусочков пазла, из которых можно будет сложить всю картинку.

Подняв лампу повыше, я развернулась...

И свет лампы отразился в глазах какого-то жуткого существа.

2 Йовис

Императорский остров

Да, контрабандист я был что надо, а вот на капитана Императорской гвардии точно не тянул. Будь я умнее, отказался бы от этой должности и продолжил заниматься тем, что умею. Но вот он я – решил спасти столько бедолаг Империи, сколько в моих силах.

Хотелось бы надеяться, что я не сверну себе шею на этом пути.

– Покажи еще раз карты. – Мэфи похлопал меня по куртке перепончатой лапой. Запнулся и неохотно добавил: – Пожалуйста.

Я чуть повернул голову в ту сторону, где только что мельком увидел, как Лин выглядит из-за угла. Ее там уже не было. Признаю: она была хороша. Не ожидал такого от императорской дочки. А потом услышал над головой тихий скрип черепицы и понял, что Лин забралась на крышу. Этот звук мог означать что угодно, он мог даже мне померещиться, но за проведенные в бегах годы у меня обострились инстинкты. Глупо было ожидать, что император безропотно согласится всегда держать меня в курсе того, где она и чем занимается.

Безосколочные были правы: ей есть что скрывать. Это они послали меня узнать все ее тайны.

Значит, вот как я спасу Империю – буду преследовать в темноте молодую женщину. Да уж, о таких подвигах песни в народе не складывают.

– Тсс! – шикнул я на Мэфи, пока он снова не принялся дергать меня за куртку. – Лин... она сбежала из комнаты.

Мэфи наострил уши.

– Оставайся здесь, а я пойду за ней.

Но как только я дошел до поворота коридора, рядом снова появилась рогатая башка Мэфи. Оставалось только молча поднять руки в знак того, что я сдаюсь.

– Ты сказал, мы будем вместе, – прошептал Мэфи.

Хорошо еще, что он к этому времени научился говорить шепотом.

И да, я ему так сказал.

Однажды мне надо было кое-что сделать для безосколочных, и я его оставил одного. Тогда это закончилось очень плохо для меня и для него тоже. Я чуть не погиб, а Мэфи вроде как заболел, но это была не болезнь, а что-то вроде спячки, и долго нельзя было понять, выйдет он из этого состояния или умрет. Я никогда в жизни так не волновался.

А вдруг это повторится?

– Ладно, – сказал я. – Только веди себя тихо и держись рядом.

Лапы у Мэфи стали значительно массивнее, но двигался он все так же быстро и плавно, прямо как змея между камнями. И при этом гораздо тише, чем я.

Впереди мелькнул силуэт Лин – она нырнула за колонну, чтобы избежать встречи с кем-то из слуг.

Я притаился в тени. Мэфи обвил хвостом мою ногу. Лин пошла дальше – я за ней. Опыт у меня был – мне уже приходилось выслеживать людей, чтобы выяснить, где они прячут разные ценные вещи, или добыть информацию для шантажа, или подслушать разговоры на тайных встречах.

Думаю, у контрабандистов и шпионов на самом деле много общего.

Лин остановилась возле небольшой двери, глянула туда-сюда, открыла ключом дверь и проскользнула внутрь.

– Мэфи! – зашипел я.

Но он двинулся вперед еще до того, как я произнес его имя, – метнулся по коридору, словно быстрый горный ручей. Я, стараясь не топтать, помчался следом. Сердце стучало в груди как молот.

В последнее мгновение Мэфи зацепил дверь когтем и не дал замку защелкнуться. По выражению его морды я умел считывать, в каком настроении он пребывает. В тот момент на морде Мэфи был написан азарт вора. Я сдержанно кивнул.

Да, я бы пожалел, если бы не взял его с собой.

Да, он принял правильное решение.

И да, я нуждался в нем больше, чем мне казалось.

Мэфи ответил небрежным кивком и чутьчку шире приоткрыл дверь.

Лин, с высоко поднятой лампой в руке, стояла в дальнем конце комнаты. Она открывала дверь с бронзовыми пластинами, на которых был выгравирован дымчатый можжевельник. Как только Лин проскользнула за дверь, я пропустил Мэфи вперед.

Осматривать комнату времени не было, да и, когда дверь за мной закрылась, сразу стало темно. Окон не было, и Мэфи я нашел на ощупь.

Мы преследовали Лин в темноте, ориентируясь на свет ее лампы.

Что это за место? Стены каменные, грубо высечены, пол идет под уклон. Мы спускаемся.

До меня не сразу дошло, что мы уже не во дворце и спускаемся внутрь горы.

Старая шахта?

Я слышал, что когда-то на Императорском острове была шахта умных камней, но ее много лет назад закрыли и никому не объяснили почему. Судя по белым прожилкам, которые бежали по потолку тоннеля, закрыли шахту не из-за истощения.

Так что здесь делает Лин?

У императора собственное хранилище умных камней, личная шахта ей ни к чему. Нет, она здесь не из-за камней. Что-то прячет? Держит здесь какого-то в заточении? Да, для тюрьмы атмосфера здесь подходящая – темно, и стены со всех сторон давят.

Мэфи, чуть ли не касаясь моей ноги, шел рядом. С ним я чувствовал себя гораздо спокойнее, он одним своим присутствием как будто подбадривал меня.

Впереди появился развилок, свет от лампы Лин виднелся с левой стороны. Я крадучись шел вперед и прикидывал, на какую глубину мы успели спуститься. В гробовой тишине казалось, что даже стены эхом отражают мое дыхание. А потом тоннель уперся в тупик, вернее, в очередную дверь.

Лин достала из кармана на поясе ключ.

У меня еще на входе в тоннель появилось дурное предчувствие, а теперь оно только усилилось. Я не был уверен, что понимаю императора.

В официальном заявлении говорилось, что император Шиян после долгой болезни мирно скончался в собственной постели. Но я же не дурак, чтобы в такое поверить. Когда я пришел ко дворцу, на стене не было ни одной конструкции-стражника. Даже вход во дворец не охранялся. В парадном зале я столкнулся с Лин, туника ее была изорвана и вся в пятнах крови. По бокам от Лин шли Трана и преданная новому императору конструкция Бинг Тай.

Это совсем не было похоже на мирную передачу власти.

А потом, вместо того чтобы казнить меня или засадить в тюрьму, Лин назначила меня капитаном Императорской гвардии. Она поделилась со мной своими планами, сказала, что хочет все исправить, что отменит Праздники десятины и положит конец жестокостям своего отца.

Для Джо, лидера Безосколочного меньшинства, было все равно, что за человек император. Он считал, что императора вообще не должно быть. Я сомневался в его правоте. Чем плох император, который заботится о своем народе? Как по мне, с таким вполне можно жить.

Но, преследуя Лин в темных тоннелях, я невольно начал фантазировать на тему, какие секреты хранит император и свидетелем каких ее жутких деяний я могу стать в любой момент.

Как только Лин вошла в третью – и я очень надеялся, в последнюю на нашем пути – дверь, Мэфи рванул вперед.

– Спасибо, – шепнул я, пока подкладывал камешек в щель, чтобы дверь не закрылась за нами до конца: ведь могла возникнуть ситуация, когда потребуется быстро и тихо отсюда ретироваться.

– Мы будем вместе, – сурово прошептал в ответ Мэфи.

– Ты прав, – сказал я и чуть ли не физически почувствовал исходящую от друга волну удовольствия и уверенности в себе.

Мэфи, как и большинство подростков, очень радовался, когда оказывался прав. Я сгруппировался, это было очевидно, а он пришел ко мне на выручку и все исправил.

За дверью оказался еще один тоннель, уходящий вниз. В конце тоннеля мерцал свет. Я снял дубинку с перевязи за спиной, сделал глубокий вдох и начал спускаться.

Пещера, в которую привел тоннель, была просто огромной, раза в три больше парадного зала во дворце. Часть пещеры занимал бассейн, по потолку бежали широкие прожилки умных камней. Лин разожгла расставленные на полу лампы, и свет значительно потеснил темноту. Она стояла в центре пещеры – этот пяточок напоминал рабочее место какой-нибудь лаборатории. Там были стеллажи с книгами, корзины с инструментами, стулья и металлический стол, на котором были разложены самые разные предметы.

Я нахмурился. Над чем можно работать в секретной пещере в горе под дворцом? Понятное дело – над чем-то зловещим.

Сталагмитов в этой пещере хватало, но укрыться было негде. Раз уж незамеченным проникнуть туда было нереально, я решил выждать и понаблюдать.

– Мэфи, не мог бы ты... – шепотом начал я.

Но тут Лин взяла со стола фляжку и сделала глоток. После этого она словно окаменела, а фляжка так и осталась у нее в правой руке.

Яд? Я не видел смысла в том, что происходило у меня на глазах. Напрягся, пытаюсь решить, следует ли мне что-то предпринять, чтобы помочь Лин. Но безосколочные ждали от меня, что я буду следить за ней, а не помогать. Помогать Лин – не моя работа. То есть формально моя, но я был заслан во дворец не за этим.

Что я за человек? Я не узнал, что за человек Лин. Пока не узнал. А если она умрет? Мне что, сидеть и наблюдать?

Рука Лин дрогнула. Она поставила фляжку на стол. Я выдохнул.

Мэфи рядом со мной принюхался и задергал усами. Я вопросительно посмотрел на него.

– Знакомый запах, – шепнул он.

– Ты раньше никогда здесь не был.

– Знаю. – Мэфи прижал уши.

Когда я снова посмотрел на Лин, она стояла, склонившись над каким-то ящиком, и держала в руке маленький блестящий предмет. Ключ. Еще один проклятый ключ. Лин выпрямилась и направилась в дальний конец пещеры. От входа в пещеру было не разглядеть, что она там делала, – сталагмиты мешали, но я услышал скрежет, а потом тихий стон, как будто она поднимала что-то тяжелое.

Потом Лин села на корточки, а потом исчезла.

Я махнул рукой Мэфи, и мы вошли в пещеру. На случай если Лин снова появится, я держался ближе к стене напротив бассейна, там был шанс укрыться в тени сталагмитов. Рискованно, конечно, но мне было не привыкать. Мои рискованные решения в большинстве случаев оказывались верными. Хотя не всегда.

За скоплением сталагмитов я обнаружил открытый люк и каменную плиту. Из люка исходил свет. Мэфи принюхался, и шерсть у него на спине встала дыбом.

– Мне это не нравится, – тихо сказал он. – Пахнет плохо.

Я с трудом сдержался, чтобы не стукнуть дубинкой по полу пещеры. Пока не спущусь, не узнаю, что там, внизу.

Пещеру заполнил низкий хриплый рык.

Теперь уже у меня волосы встали дыбом. Мэфи ринулся вперед и сунул голову в люк.

– Монстр, – пискнул он, потом посмотрел на меня с открытым ртом, как будто хотел сказать что-то еще, но не смог и закрыл рот.

– Не подходи, – дрожащим голосом скомандовала Лин внизу.

У меня было два варианта дальнейших действий: обождать и посмотреть, сможет ли выкарабкаться Лин, или... Тут я увидел, что моя нога уже сделала выбор за меня. Лестница крепилась надежно, это оказалось очень кстати, потому что, когда я спустился достаточно, чтобы увидеть то, что было в пещере, у меня задрожали руки и ноги.

Император стояла между мной и тем, кому Мэфи дал очень точное описание. То есть эта конструкция действительно была самым настоящим монстром. Она занимала половину пещеры, и глаза ее были каждый с мой кулак. Пасть у нее была открыта, так что я хорошо видел несколько рядов острых белых зубов. Мускулистые лапы заканчивались когтями, – чтобы прикончить меня, конструкции хватило бы одного взмаха.

Что она здесь делает? За четырьмя запертыми дверями?

Я мельком увидел полки и какие-то развешанные на стенах предметы, а потом уже не мог оторвать глаз от монстра.

В одной руке у Лин была лампа, в другой – резец для гравировки, и она не двигалась с места.

С ума сошла? Эта тварь собирается ее сожрать.

И тут конструкция перевела взгляд на меня.

А я завис, наполовину спустившись с лестницы и сжимая в потной ладони дубинку. Мой самый эффективный трюк срабатывал только при контакте с землей... а до земли еще надо было добраться.

– Йовис, – прошипел Мэфи у меня над головой, – ты застрял?

И я, вместо того чтобы подняться обратно, спустился вниз так быстро, как только мог. Еще одно свидетельство моей непроходимой глупости.

Конструкция пришла в движение. На меня накатила волна воздуха, а челюсти конструкции клацнули прямо над головой. По всей видимости, я показался этому монстру более аппетитным, чем Лин. Ну да, я был крупнее, а она с виду слишком уж жилистая.

Но времени раздумывать о кулинарных качествах человечины у меня не было. Наплевав на оставшиеся ступеньки, я спрыгнул с лестницы и так жестко приземлился, что чуть все зубы себе не выбил.

Но со мной была моя дубинка и гул в костях.

Конструкция снова ринулась на меня, и я топнул ногой.

Вся пещера вздрогнула, с потолка посыпалась земля. Монстр остановился, но не упал, он даже не покачнулся.

Четыре лапы. Все верно. Стоит и не шелохнется.

За спиной монстра Лин поднялась на ноги и начала стряхивать с одежды землю. Очевидно, она не обладала такой же устойчивостью, как конструкция.

– Идиот! – гневно крикнула она. – Ты чуть не похоронил нас в этой пещере!

Спорить я не стал. При виде этого монстра я так запаниковал, что совершенно забыл, где нахожусь. Подняв дубинку, я понадеялся, что обретенная сила и скорость помогут мне

остаться в живых. Правда, я не знал, каким способом можно прикончить эту тварь, если ее вообще можно прикончить.

– Ты за мной следил, – сказала Лин, размахивая своим резцом. – Ты вломился в мои запертые комнаты. Как ты вообще смог сюда спуститься?

В голове прокрутились сотни выдумок на эту тему, но я не прибегнул ни к одной. Не было времени на объяснения.

Еще раз я оценил габариты конструкции и пожалел, что у меня при себе не было другого оружия. Рубящего или колющего.

Если колотить монстра дубинкой по башке, это, скорее всего, просто его разозлит, не больше.

– Мы можем обсудить этот вопрос позже?

Монстр снова зарычал, и от этого звука образовавшаяся у меня в желудке воронка стала еще шире.

Конструкция опять пошла на меня, но в этот раз я был готов к атаке и, размахнувшись, со всей силы саданул ее по носу.

Конструкция взвизгнула и тряхнула головой, хотя от моего удара у нее даже царапины на носу не осталось.

Я, воспользовавшись замешательством противника, ринулся вперед.

Тварь была огромной, но на удивление быстрой. Она увернулась от моего второго удара и оскалила зубы. Я мельком увидел, как Лин, спотыкаясь, шагнула вперед.

– Беги к лестнице! – крикнул я. – Не знаю, сколько еще смогу ее сдерживать.

Честно говоря, я не был уверен, что вообще смогу сдержать эту конструкцию.

Я не знал, зачем подставляю ради Лин свою голову. Знал только, что, кем бы она ни была, не смогу оставить ее наедине с монстром. Видно, со временем стал мягкотелым. А может, всегда таким был.

Монстр почуял, куда направлено мое внимание, и перевел взгляд на Лин. Его желтые глаза сверкнули в свете лампы, когти расцарапали каменный пол.

Самое время бежать к лестнице, но я вместо этого разумного действия крикнул:

– Эй! Заканчивай, что начал!

Вообще-то, начал монстр с Лин, но я сомневался, что он остановится, чтобы указать мне на мою ошибку.

И я был прав.

Он бросился на меня, как олень в сезон гона. Думаю, мне следовало обрадоваться, что он был безрогим. Я попятился, споткнулся на неровном полу и чуть не упал, но успел опереться на дубинку.

Какая разница – умру я стоя на ногах или растянувшись на полу?

Я занес дубинку над головой, а конструкция остановилась прямо передо мной и закричала.

Значит, нос – болевая точка. Даже у самых страшных тварей есть болевые точки. И еще глаза. Надо целиться в эти точки.

А еще надо было, чтобы эта огромная башка оказалась на подходящем для удара расстоянии.

По пещере эхом разнесся голос Мэфи:

– Я могу помочь?

– Можешь, если останешься там и пригодишься закрыть люк! – крикнул я в ответ и, сделав еще шаг назад, уперся спиной в стену.

Отлично. Дал загнать себя в угол. Типичная ошибка новичка, но никак не контрабандиста и капитана Императорской гвардии. Схватка с десятком мужчин на улице для меня была

бы куда предпочтительнее схватки с одной-единственной тварью типа этой в замкнутом пространстве.

Всегда проверяй пути отхода – железное правило, которому я неизменно следовал. Но когда опасность грозила кому-то другому, мои мозги превращались в кашу, наподобие дынной мякоти на дне винной бочки. Я тысячи раз говорил себе, что я не герой, все без толку.

Я развел руки в стороны, как бы приглашая конструкцию к атаке.

Может, я и герой. Герои ведь все идиоты.

Пасть раскрылась, на пол закапала слюна. Конструкция бросилась вперед.

Я поднял дубинку. Слишком медленно. У меня было такое ощущение, будто я наблюдаю за происходящим со стороны и от страха вижу все очень четко.

О героях, которые приняли ужасную смерть, в народе песен не складывают. В песнях гибнущий герой обычно теряет сознание под конец схватки, истекает кровью из одной-единственной раны и по его щеке катится одна-единственная слеза. В моем случае от героя в конце схватки мало что могло остаться.

Конструкция замерла на месте.

Я мысленно собрал себя заново: рука крепко, до боли, сжимает дубинку, челюсти стиснуты, сердце бешено колотится в груди.

Конструкцию разбил паралич, а я жив. Мэфи? Друг поделился со мной какой-то новой силой?

Из-за конструкции послышался какой-то тихий скрип, и я чуть из собственной кожи не выпрыгнул. Лин уверенно обошла тушу монстра, в одной руке она держала осколки костей, а в другой – лампу.

– Не желаешь рассказать, что ты здесь делаешь? – спросила она.

Несмотря на ее довольно хрупкое телосложение, в ней было что-то от Шияна – то, как она держала голову, смотрела мне в глаза, словно могла одним только взглядом пронзить меня насквозь. Я никогда не видел ее отца вживую, но видел его портреты. На портретах он никогда не улыбался.

– Это моя работа, – коротко и просто ответил я.

– Я не поручала тебе следить за мной. – Лин глянула в сторону люка, откуда за нами наблюдал Мэфи. – И его с собой притащил. Значит, у меня теперь два рта, которые надо заткнуть.

– Ты что-то скрываешь.

– Естественно, мне есть что скрывать, – огрызнулась Лин и сверкнула глазами, прямо как оцепеневшая конструкция. – Это не мои пещеры, это пещеры моего отца, и он никогда мне о них не рассказывал. А ты предлагаешь открыть все запертые комнаты, чтобы в них мог заглянуть любой желающий? Так и вижу, как какой-нибудь бедолага-слуга спускается сюда и становится жертвой вот этой конструкции.

Лин была права, но эта ее правота начинала меня злить. Она говорила, как Джо.

– Ты сама чуть не стала жертвой. Как по-твоему, что бы со мной случилось, если бы ты погибла? Все бы подумали, что я имею какое-то отношение к твоей смерти, или, самое малое, меня бы обвинили в том, что я все прохлопал.

– Нет, это ты чуть не стал жертвой, а не я. Конструкции – моя зона ответственности, а не твоя.

Мой мозг не поспевал за тем, что я говорил.

– А моя зона ответственности – твоя безопасность.

Лин резким движением сунула руку внутрь конструкции и почти сразу вытащила. Осколки костей исчезли. Конструкция вышла из оцепенения, я напрягся и крепче сжал дубинку.

Значит, такой будет моя казнь?

Мэфи, тихо поскуливая, начал спускаться по лестнице головой вниз.

Лин подняла руку:

– Остановись и наблюдай.

Странное дело, но Мэфи ее послушался.

Кожа монстра обвисла, шерсть облезла клочьями.

– Я вывела ее из строя. Только я знаю, как это делать.

Я не смог до конца расслабиться, даже когда конструкция прямо передо мной развалилась на куски. Меня бросило в жар. Выходило, что Лин не нуждалась в моей помощи. Я подставил голову, и ради чего? Но когда я смотрел в пещеру с лестницы, мне казалось, что Лин не сможет подойти близко к этому монстру, если я не отвлеку внимание на себя.

– Если ты обладаешь такими обширными знаниями и не нуждаешься в моей защите, тогда зачем было меня нанимать?

– Мы с тобой оба знаем, зачем я тебя наняла. Твое назначение дает мне легитимность. Но я не позволю тебе ходить за мной по пятам и требовать отчета обо всем, что я делаю.

Мэфи спустился до конца лестницы и встал у меня в ногах, как будто так мог защитить меня от гнева Лин.

– Ты капитан моей гвардии? Или шпион?

Кровь отлила у меня от лица.

Она не знает. Не может знать. Я не давал повода себя заподозрить.

Я заставил себя дышать. Она просто хотела поддеть меня этим вопросом, и больше ничего.

– И что вы со мной сделаете, ваше высочество? Лишите звания? Казните?

Она только что признала, что я нужен ей.

– Не думаю, что людям, которые меня уважают и ценят так высоко, что я и не мечтал, это понравится.

Мэфи похлопал меня по ноге – видно, пытался успокоить.

Лин шагнула ближе, и хотя, чтобы посмотреть мне в глаза, ей пришлось вскинуть голову, в тот момент у меня было такое ощущение, будто мы с ней одного роста.

– Ты угрожаешь правителю Империи Феникса?

Мне показалось, что воздух между нами завибрировал.

– Йовис, такая у тебя цель? Хочешь стать императором?

Это обвинение застигло меня врасплох, я просто опешил и поэтому не задумываясь ляпнул:

– Зачем мне это надо?

Кем-кем, а императором я хотел стать меньше всего на свете. Я даже находиться во дворце не хотел. Что за дурацкая идея? Я бы рассмеялся, да только в тот момент мое положение было слишком серьезным, можно сказать, почти катастрофическим.

Лин моргнула, потом нахмурилась и переспросила:

– Как – зачем?

Напряжение между нами спало. Я мог бы назвать уйму причин, почему не хочу стать императором, мне бы даже привирать не пришлось. И я уже открыл рот, чтобы назвать первую, но Лин перевела взгляд с меня на люк и втянула воздух сквозь зубы.

Я резко развернулся.

За нами наблюдала какая-то мелкая тварь с ушами как у летучей мыши и с крыльями как у чайки.

– Ты оставил дверь открытой! – Лин схватила меня за руку.

Она сказала это так, как будто я при варке риса налил слишком много воды.

– Да.

Я не понимал, с чего она вдруг запаниковала.

– Это не моя конструкция. Я таких на Императорском острове никогда раньше не видела. Это шпион.

И после этого Лин взяла лампу в зубы, подбежала к лестнице и стала взбираться наверх, подтягиваясь сразу через две ступеньки. Глядя на нее, я понял, почему она, когда решила сбежать из своей комнаты, без колебаний решила забраться на крышу. Она лазала быстро, как белка.

Конструкции были ее зоной ответственности. Не моей. Она сама так сказала. Но я все равно не раздумывая сунул дубинку в перевязь за спиной и побежал за ней как последний дурак.

Что, если она пострадает? И во всем обвинят меня?

Я обманывал сам себя, потому что не хотел признавать, что Мэфи был прав, когда сказал, что я – тот, кто помогает. И по всей видимости, я был тем, кто помогает даже тогда, когда это не то что неразумно, а просто глупо.

– Ты сказала, кроме тебя, никто не владеет магией осколков, – пропыхтел я, взбираясь по лестнице следом за Лин.

Мэфи карабкался за мной, и лестница поскрипывала под грузом наших тел.

– Так и есть. Но после смерти отца все пошло наперекосяк. – Лин подтянулась и вылезла из люка, а потом, к моему великому удивлению, повернулась и протянула мне руку. – Я должна поймать эту конструкцию. Они больше никак не связаны с моим отцом, а значит, могут оказаться во власти кого-то еще. Я не верю, что эта конструкция оказалась здесь случайно. Помогите мне.

Все мои сомнения тут же растаяли.

Она, вообще, собиралась меня казнить? Или она такая же глупая, как я, и надеется, что один человек может все изменить к лучшему?

Я коротко кивнул в ответ, и она побежала за конструкцией, которая уже исчезла в тоннеле.

Лин оказалась быстрее, чем я думал, но у меня были длинные ноги и дарованная Мэфи сила, так что я легко ее нагнал.

– Другие двери ты тоже оставил открытыми? – спросила Лин, пока мы бежали по тоннелю.

– Только одну.

– Значит, она проникла сюда через потайной ход в логово Илит. Здесь мы ее не поймем. Если поторопимся, сможем перехватить во дворе. У нее крылья: взлетит – и шансов у нас почти не останется.

После этого мы не разговаривали. Я пропустил Лин вперед. Лампа раскачивалась и подпрыгивала у нее в руке, и порой казалось, что она вот-вот погаснет. Мэфи скользил рядом со мной, он не спрашивал, куда мы бежим и зачем. Да, он мог дерзить и пререкаться, когда мы играли в карты, но в серьезных ситуациях всегда был на моей стороне.

Лин с разбегу плечом открыла дверь с дымчатым можжевельником, а потом и дверь в коридор. После таких бросков синяки точно остаются, но она даже не поморщилась.

Ночью парадный зал выглядел довольно зловеще – горели только две лампы у главного входа. Эти двери Лин с легкостью открыть бы не удалось, и я присоединился к ней. Наши плечи соприкасались, наши ладони давили на двери.

Я иногда забывал сдерживать свою новообетенную силу, и в результате этой забывчивости, когда дверь поддавалась, мы чуть не завалились на крыльцо. Но Лин удалось сохранить равновесие, и она, перепрыгивая через две, а то и через три ступени, сбежала вниз по лестнице и помчалась напрямиком в сад.

На территории дворца все лампы были потушены, моросил дождь.

Я последовал за Лин.

– Булыжник, – сказала она, – вход в логово Илит под булыжником рядом с вишней.

После такой гонки она должна была запыхаться, но голос у нее был на удивление ровный.

Я не рассчитывал, что смогу в темноте определить, какое из деревьев вишня, и поэтому на бегу достал из-за спины дубинку. К возможному нападению всегда лучше подготовиться заранее. Арочный проход в сад вел к живой изгороди высотой мне по пояс. Лин легко ее обошла, а я перепрыгнул, и Мэфи последовал моему примеру. В саду было еще темнее, чем во дворе, так что приходилось ориентироваться на звук шагов Лин. Тропинка, которую я не мог разглядеть – и поэтому постоянно спотыкался, – привела на круглую поляну с деревом и булыжником в центре.

Что-то вспорхнуло в ночное небо.

– Вот дерьмо! – выругалась Лин.

Не могу объяснить почему, но после четырех запертых дверей, пещеры под дворцом и гигантской конструкции именно это удивило меня больше всего. Император ругается, как контрабандист.

Лин топнула ногой, и земля вздрогнула. Мэфи прижался плечом к моему бедру. И снова ожили все подозрения, которые возникли, когда я впервые увидел Трану, и потом, когда Лин предложила мне пост капитана Императорской гвардии.

Трана была как Мэфи.

Лин – как я.

А я?

Я старался не заморачиваться на тему, кто я и что означает вся эта магия. Но после той схватки с четырехрукой конструкцией у парадного входа во дворец я начал задаваться вопросами. У меня был дар – я мог собирать воду из окружающего пространства и подчинять ее себе.

В легендах часто рассказывалось, что Аланга имеет власть над водой.

Я закашлялся:

– Думаю, нам надо...

Но Лин сорвалась с места, не дав мне договорить. Она подбежала к ближайшему павильону и стала карабкаться по водосточной трубе с такой ловкостью, как будто проделывала это тысячу раз. Хотя, может, так оно и было.

– Чтoб тебе, Дион! – выругался я и побежал за Лин.

Забравшись на крышу, я оглянулся и сумел разглядеть морду оставшегося внизу Мэфи. Дурак бы понял, что он в отчаянии.

– Жди меня здесь! Я вернусь!

В стенах дворца для него было безопаснее.

Когда я перелез через гребень крыши павильона, Лин уже перепрыгнула на крышу соседнего дома.

Я побежал за ней и тоже перепрыгнул на соседнюю крышу. До знакомства с Мэфи такой прыжок был за пределом моих возможностей.

Давно она такое практикует?

Лин буквально перелетала с крыши на крышу. В небе вырисовывался черный, взмахивающий крыльями силуэт конструкции Лазутчик.

Струйки дождя сбегали у меня по лбу.

– Сбейте ее! – крикнул я стражникам на стене.

Двое меня услышали и стали озираться, пытаясь понять, кто и откуда кричит.

– В небе! – закричал я. – Сбивайте!

Только у одной стражницы хватило ума поднять лук.

Слишком медленно. Конструкция будет за пределами досягаемости еще до того, как стражница выпустит стрелу. И это притом что я сомневаюсь, видит ли она вообще летящую конструкцию.

Мы добежали до стены.

Стражники нас заметили, но не понимали, как реагировать на наше появление.

Лин посмотрела на крыши городских домов. Лицо у нее было мрачное.

Я понял, что она собирается делать, и успел сказать:

– Ваше высочество, слишком далеко. Конструкция ушла. Она...

Лин пустилась бежать, прыгнула на стену с бойницами, а со стены на крышу ближайшего дома. Как по мне, так чудом долетела. Зацепилась пальцами за карниз, но легко, одним плавным движением подтянулась и снова сорвалась с места.

Я трезво оценивал свои возможности. Ну, в большинстве случаев. В этом случае я повернулся к стражникам, с извиняющимся видом пожал плечами и перемахнул через стену.

С того дня как я прибыл во дворец, стены успели отремонтировать, вид у них стал гораздо лучше, но зато лазать по ним стало гораздо сложнее. На полпути мне все надоело, и я спрыгнул. Когда приземлился, показалось, что выбил себе оба колена. Естественно, скривился, но по опыту уже знал, что на мне все быстро заживает и боль испарится, я даже пострадать не успею.

Ночью улицы столицы Империи всегда пустынные – лавки закрыты, люди спят. Я бывал здесь несколько раз в свои юные годы, когда учился в Академии мореплавателей. От академии до столицы один день ходу на лодке или на воловьей упряжке. Улицы города с тех пор заметно изменились, но я все равно довольно неплохо находил дорогу, да и надо было просто ориентироваться по шагам Лин, которая бежала по черепичным крышам, – слабые щелчки на фоне стекающей по водостокам дождевой воды. Камни мостовой были скользкими, но я рискнул посмотреть в небо и смог разглядеть силуэт летящей в ночном небе конструкции.

У нас еще был шанс нагнать ее.

Лин только-только взошла на престол, и мне было интересно, кто мог за такое короткое время стать хозяином конструкции Лазутчик и послать ее на Императорский остров. Если конструкция теперь может служить другим целям и хозяевам, значит по всей Империи разбросана самая настоящая армия этих тварей, которые могут присягнуть очень плохому человеку.

От этой мысли у меня так похолодело внутри, что я даже перестал замечать стекающие по щекам ледяные струи дождя.

Сверху донесся тихий стон – это Лин пыталась в прыжке достать конструкцию, но промахнулась, тяжело приземлилась на крышу и чуть не сорвалась с карниза.

– Тебе надо подобраться поближе! – крикнул я. – Или попробуй... чем-нибудь в нее бросить.

– Чем? – крикнула в ответ Лин.

Пришлось прикусить язык, чтобы не ляпнуть, что о таком надо было подумать еще во дворце. В любом случае на перекрикивания у меня уже не оставалось дыхания. Я мчался по главной улице Императорского острова, мимо мелькали последние кусочки жизни засыпающего города. Трактир, где я был лишь однажды – сидел там в углу и нянчил в ладонях кружку с вином. Лавка с красивыми подробными картами, я мечтал купить хоть одну, но не мог себе этого позволить. Дом, на углу которого меня окружила компания студентов академии, они называли меня пойером-полукровкой и обвиняли в том, что я их преследую. Мне тогда удалось заболтать их и отвертеться. Впрочем, как и всегда.

Никогда не думал, что вернусь на Императорский. И уж точно не для того, чтобы остаться.

Заметил в сточном желобе устричную раковину. Подобрал на бегу. Почувствовал приятную тяжесть в руке. Пристани уже рядом. Я чувствовал запах моря и слышал, как волны набе-

гают на берег. Ноги работали с невероятной быстротой, дыхание тоже участилось, но ветер и крылья все равно быстрее.

Снова раздался стон – Лин опять попыталась достать конструкцию в прыжке. Ей удалось схватить Лазутчика за хвост, но в результате она упала на крышу только с несколькими зажатыми в кулаке перьями.

Впереди показались пристани. За ними – море. Наш последний шанс.

Я сосредоточил все свое внимание на конструкции, остановился и с размаху швырнул в нее устричную раковину. Конечно, следовало бежать дальше, подыскивая еще какую-нибудь раковину или камень. Но я стоял и, задержав дыхание, наблюдал.

Промахнулся. А конструкция полетела за пристани и дальше в море.

Все, ушла.

3 Лин

Императорский остров

Я упала на крышу, ударившись плечом, перья еще сжимала в кулаке. Падение выбило из меня дыхание, я скатывалась вниз и только в последний момент смогла ухватиться за карниз.

А потом я лежала на краю крыши, ловила ртом воздух и наблюдала, как Йовис по широкой дуге метнул в конструкцию раковину. И промахнулся. Тоже мне герой из народных песен! Тот, о котором слагали песни, не промахнулся бы и после броска стоял бы, расправив широкие плечи, с развевающимися на ветру волосами.

Но Йовис стоял, опершись руками о колени, будто запыхавшийся старик. Да, в легендах никогда не описывается усталость или изнеможение.

Конструкция Лазутчик улетела, чтобы доложить об увиденном и подслушанном своему хозяину, кем бы он ни был. У меня свело живот; очень хотелось расслабиться, но не получалось. Я ведь не знала, что эта конструкция увидела в пещерах.

Пока я билась с конструкцией отца, она могла просмотреть записи. Или не успела?

Видела она копию Шияна?

И то и другое могло меня разоблачить, а значит, погубить.

Что видел Йовис?

Я могла говорить красивые речи о том, что мы работаем вместе, и о том, что мне нужна его помощь, но тем временем у меня в животе как будто клубок змей шевелился.

В глазах людей за стенами дворца мое право на трон было хрупким, но это они еще не знали всей правды.

Я слезла по стене дома на мостовую. Кто-то внутри услышал шум, проснулся и зажег лампу. Надо было возвращаться во дворец, пока нас не заметили. У стражников на стенах наверняка крутились в головах разные вопросы, а у меня не было подходящих ответов.

И еще во время погони я чувствовала гул в костях и невероятную силу в руках и ногах, но использовала их машинально.

То есть даже не задумывалась, как это может выглядеть со стороны.

Я – император, но прыгала по крышам домов, как будто я – Йовис, который примчался в город, чтобы спасти группу детишек с Праздника десятины. Надо взять себя в руки и соблюдать осторожность.

Ранения, полученные во время схватки с отцом, быстро зажили, но в то время я как-то упустила это из вида. Теперь картинка начала складываться. Вот бы так сложились все кусочки пазла, который я жаждала собрать, перечитывая записи отца.

Я подошла к Йовису и, поглядывая на пока еще закрытые ставни, коснулась его плеча:

– Возвращаемся переулками. Идем. Быстрее.

Йовис выпрямился и рассеянно потер плечо, как будто от моей руки мог остаться след. Он уже успел отдышаться.

– Я чуть ее не сбил.

Я фыркнула, просто не смогла удержаться.

– В следующий раз, когда потребуется кого-нибудь сбить в воздухе, предоставь это мне. У тебя куча способностей, я успела в этом убедиться, но метание точно не из их числа.

В соседнем здании кто-то загремел ставнями. Я махнула рукой Йовису и побежала по улице в сторону дворца.

Мы нырнули в ближайший переулок. Было темно, кучи мусора и отходов я не видела, поэтому то и дело чувствовала, как наступаю во что-то склизкое.

– И часто ты этим занимаешься? В смысле, крадешься по городским переулкам и вляпываешься во всякое дерьмо? – Голос Йовиса прозвучал почти у самого моего уха, я даже вздрогнула от неожиданности. – Ты – император. Тебе не следует покидать стены дворца.

– А ты не должен меня преследовать, – прошипела я в ответ. – Вообще никогда.

Плевать на то, что там видела конструкция Лазутчик, но что видел Йовис? Он поставил меня в трудное положение. Да, он помог мне преследовать конструкцию. Да, он как дурак подставился, пытаясь спасти мне жизнь. Но он столкнулся с тем, чего я сама еще до конца не поняла.

Йовис молчал, а мне хотелось, чтобы он продолжал спорить, сказал, что преследовал меня по велению долга. Это бы оправдало его действия. Он действительно так мне предан? Бывший контрабандист, который привык нарушать закон, чтобы добыть то, за чем он охотился? Не важно, сколько детей он спас, – было бы очень странно, если бы он так быстро превратился в добропорядочного и законопослушного гражданина.

Мне надо знать, чего он хочет. Зачем пошел за мной? Из любопытства? Или у него были другие мотивы?

Но Йовис, вместо того чтобы спорить, шумно выдохнул и сказал:

– Кстати, забыл тебя поблагодарить. Ты спасла мне жизнь в той пещере.

И стоило ему это сказать, вся моя злость улетучилась, хотя я и не хотела ее отпускать. Я была вправе злиться, но усталость после схватки и погони начала действовать на мои кости. И причин для беспокойства у меня хватало.

– Мой отец не стал бы этого делать.

– Знаю.

В темноте я его почти не видела, но чувствовала, как его рукав на ходу касается моего.

– Я ничего не вынюхиваю, если тебя это интересует, – продолжил Йовис. – Ты можешь мне доверять.

Смешно. Я вообще никому не доверяю.

– Естественно, я тебе не доверяю. Я тебя даже не знаю. А когда ты собирался мне рассказать о силе, которую получил от Мэфи?

– Он тебе рассказал? – Йовис сбился с шага.

– Я сама неплохо соображаю, а такое вычислить легче легкого.

Несмотря на усталость, я чувствовала слабую дрожь в костях, как будто она притаилась и ждала, когда я снова ее призову. Эта дрожь в самых сложных и опасных ситуациях давала мне силу и скорость. Мэфи и Трана были существами одного вида. Кроме них, у нас с Йовисом не было ничего общего. И я не чувствовала этой силы до того, как мои поиски привели меня к Тране и я спасла ей жизнь.

– Кто они? Кто мы с тобой?

– Я собирался тебе рассказать.

Нет, не собирался.

Отвечая, Йовис вскинул подбородок и посмотрел в небо. В этот момент я хоть и смутно, но смогла разглядеть его лицо. Этого было достаточно: я поняла, что он врет.

Отец говорил мне: «Если знаешь, что кто-то тебя обманывает, не останавливай его. Он увлечется и увязнет в собственном вранье. Просто продолжай действовать, основываясь на том, что, по-твоему, есть правда».

Мне не нравилось пользоваться советами отца, но он при всей его жестокости был мудрым стариком.

Я откашлялась:

– Значит, у нас обоих есть секреты. Не волнуйся, я твои не разболтаю. Мне это невыгодно. А тебе, насколько я понимаю, невыгодно разбалтывать мои.

Я провела Йовиса за угол. Убрала с глаз мокрые волосы.

К этому моменту мы оба вымокли до нитки и воняли отбросами. Отчасти я тосковала по тем временам, когда дворцовые стены охраняли конструкции и я могла покидать дворец и возвращаться обратно, не думая о том, что обо мне поползут слухи среди стражников.

– К чему ты это? – осторожно спросил Йовис.

– Ты ведь не хочешь, чтобы люди узнали, что свою силу ты получил от Мэфи. Как только об этом узнают, его жизнь будет в опасности.

Йовис схватил меня за руку. Я по-настоящему испугалась, даже сердце чаще заколотилось в груди. Мы были одни. Йовис мог прикончить меня и сбежать, наплевав на возможные последствия. С помощью Траны я могла сравняться с ним по силе, но мне оставались недоступны его умения. Пока недоступны. До этого момента все, что я делала, у меня получалось как будто случайно.

– Там куча отбросов, ты чуть опять не вляпалась, – сказал он и сразу меня отпустил, как будто вдруг понял, кого схватил за руку. – Простите, ваше высочество.

Я поправила тунику и пошла дальше, но сердце еще не успокоилось.

– Что ж, не могу сказать, что ты пренебрегаешь своими обязанностями.

– Для этого ты меня и наняла – чтобы я не давал тебе вляпаться в какое-нибудь дерьмо, – сказал он, а я услышала в его голосе насмешливые нотки.

– Все говорят о наемных убийцах и недовольных императором губернаторах, но никто не говорит о том, какую опасность представляют кучи отбросов на улицах города.

От облегчения у меня даже голова чуть-чуть закружилась. Йовис не собирался меня убивать, и он навряд ли успел много увидеть, прежде чем последовал за мной в пещеру по вертикальной лестнице. Что-то подсказывало мне, что Йовис, если бы увидел в бассейне копию Шияна и понял, что это означает, общался бы со мной несколько иначе.

Но я все еще ему не доверяла.

– Ну и когда ты собирался мне рассказать о Мэфи и Тране?

Луна выглянула из-за облака и осветила его профиль. Он провел рукой по волосам:

– Может, и не собрался бы. О таком запросто не расскажешь. Можно сойти за сумасшедшего. – Он остановился. – Сюда, этот путь короче. Не думаю, что за нами кто-то наблюдает.

Я порой забывала, что Йовис, хоть и был родом с Анау, учился в Академии мореплавателей и ему приходилось бывать на Императорском острове. Это, пожалуй, все, что я о нем знала, если не считать того, что распевали о его геройствах в народе.

Предложение я приняла: путь по этой улице действительно был короче и она была значительно чище переулков. Возле лавок догорали две лампы, которые забыли погасить хозяева. Их тусклый свет был не ярче бледной луны.

Когда мы проходили мимо маленькой пекарни, Йовис решил продолжить разговор:

– Я тоже тебя не знаю. Ты наняла меня, чтобы узаконить свою власть в глазах народа. То есть, будучи капитаном Императорской гвардии, я дарю тебе свою молчаливую поддержку. Для контрабандиста это серьезный груз. Откуда мне знать, что ты не такая же, как он?

Я сразу поняла, о ком он. О моем отце.

– Я отменила Праздники десятины. Этого разве недостаточно?

Естественно – нет. Сначала я хотела доказать отцу, что чего-то да стою, теперь я должна была доказывать это всем и каждому. Это меня уязвляло. Но на моем столе стоял бумажный журавлик, который сложила дочь Нумина – Трана. Их семья была убита по приказу моего отца, так что не важно, кто я и какая, меня вырастил этот человек, и Йовис имел право во мне сомневаться.

Я вздохнула:

– Для моего отца люди ничего не значили, для меня значат очень много. – Я мельком глянула на Йовиса и, заметив, что выражение лица у него смягчилось, поняла, о чем говорить дальше. – У меня был друг в городе. Кузнец. Отец приказал убить его и всю его семью.

Я до сих пор жалела о том, что так и не добилась любви отца, но Йовису об этом лучше было не знать. Мои отношения с Шияном были... сложными.

– Ты убила его.

Йовис сказал это легко, как будто мы были парочкой подвыпивших студентов, которые поздно ночью возвращаются в свое съемное жилье.

Он знал, что я это сделала, – он видел, в каком я была состоянии после схватки с отцом и его конструкциями. Но я все равно не стала менять тему разговора.

– Все так. У него был приемный сын. Мы дружили. Отец и его убил, а потом стал угрожать, что убьет меня.

Это правда, но ее слегка подчистили: формально Баян вернулся на свой родной остров где-то на окраине Империи, и для всех он был еще жив. О, как же я хотела, чтобы это было правдой!

Йовис протянул ко мне руку, как будто хотел дотронуться до моего плеча, чтобы как-то успокоить, но потом вспомнил, с кем говорит, и передумал.

– Твой отец был плохим человеком.

Я сомневалась, стоит ли говорить больше, чем уже сказала. Но в глубине души я хотела, чтобы Йовис набрался храбрости и снова прикоснулся ко мне. В последний раз, не считая формальных случаев, ко мне прикоснулся Баян – он держал меня за руку перед нашей встречей с отцом.

И я заговорила:

– Кроме него, у меня не было близких родственников. Я любила отца, но он не любил меня. А под конец жизнь стала для меня важнее его любви.

Старая боль волной накатила на сердце. Рана еще не зарубцевалась. Возможно, мне было суждено прожить с этой болью до конца моих дней.

– Сочувствую, – сказал Йовис.

Я видела по его лицу, что он говорит искренне, и от этого почему-то стало еще больнее.

Мне приходило множество писем от губернаторов, но с соболезнованиями по поводу смерти отца писали очень немногие. В основном они пытались выудить полезную для себя информацию, например, если я собираюсь изменить структуру десятины, то как именно, и какие у меня планы на их острова. Человека они во мне не видели.

Пришлось сморгнуть слезы, стало даже неловко – с чего это я? Неужели мне настолько не хватало тепла и доброго отношения? Я была настолько жалкой?

Если Йовис что-то и заметил, то только краем глаза.

Он дал мне время взять себя в руки и только после этого продолжил:

– Ты сказала, что не знаешь меня. И да, в народных песнях – сплошь небылицы. Спрашивай, о чем хочешь. Вопрос на вопрос.

Я на ходу посмотрела на его профиль. Длинный нос, вьющиеся волосы убраны за уши. Руки и ноги длинные. На голову выше меня. Но, даже зная, какой силой он обладает, я почему-то его не боялась. У меня в голове крутилось столько вопросов.

Он шпион?

Он планирует убить меня и стать императором?

Что он видел в пещере?

Нет. Любой из этих вопросов увеличит дистанцию между нами. А мне надо с ним сблизиться. Мне надо, чтобы люди Империи поверили в меня. И Йовис, он должен в меня поверить.

И я решила задать простой вопрос:

– Почему ты, вместо того чтобы стать навигатором, решил стать контрабандистом?

– Работу найти не мог. – Йовис пожал плечами. – Никто не хочет нанимать в навигаторы пойера-полукровка, который не смог получить рекомендации в академии. Вот я и вернулся домой. А потом мне сделали одно предложение, и я его принял.

– Значит, ты не хотел становиться контрабандистом?

Йовис постучал указательным пальцем по подбородку и спросил:

– Это второй вопрос?

Я слышала по его голосу, что он улыбается.

– Да, – я тоже улыбнулась, – но ты только что задал второй вопрос, я ответила, так что теперь твоя очередь отвечать.

– Я не хотел этого. Если бы ты хоть раз поговорила с моей мамой, сама бы поняла почему. – Теперь в голосе Йовиса зазвучали ностальгические нотки. – Она была яркой противницей всего, что считала аморальным. Ей даже претило, что отец играет в карты. Но так уж получилось, что у меня не было другого выхода. – Йовис перестал улыбаться. – Спустя какое-то время я порвал с Иоф Карн. У меня была жена. Она пропала семь лет назад. Чтобы отправиться на ее поиски, мне требовалась своя собственная лодка. А лодку без денег не раздобудешь. Поэтому я уплыл на той, которую Иоф Карн дали мне в аренду. След привел меня во дворец. На ступенях парадного крыльца я схватился с конструкцией твоего отца. Эта конструкция мне рассказала, что похитила мою жену для экспериментов императора и теперь она мертва. Думаю, я и сам давно об этом знал, просто нуждался в подтверждении.

– Мне жаль, – сказала я.

Наступила моя очередь выражать сочувствие, но мне почему-то казалось, что это будет неправильно. Странно, но я почувствовала себя ответственной за то, что случилось с женой Йовиса.

Он расправил плечи и спросил:

– Ты собираешься когда-нибудь еще воспользоваться магией осколка кости?

Его взгляд скользил по моему лицу. Он посмотрел в глаза, потом на скулы, потом на губы.

Я напряглась. Правильный ответ мог быть только один, но мне совсем не хотелось произносить это вслух.

Как можно обещать такое, если не знаешь, что ждет тебя в будущем? Отец мог использовать магию во вред людям, но это еще не значит, что я собираюсь поступать так же.

– Магия спасла тебе жизнь, – напомнила я. – Или ты предпочел бы драться с той конструкцией, орудуя своей дубинкой?

Я заметила, что Йовис тяжело сглотнул.

– Это правда. Но это не ответ.

Да кто он такой? Я не обязана перед ним оправдываться. Я – император. Но с другой стороны, мой отец никогда не утруждал себя оправданиями, он вообще никому ничего объяснял.

– Я не ясновидящая и не знаю, какие проблемы оставил отец мне в наследство. Хотелось бы мне сказать, что никогда ею не воспользуюсь, но не стану обещать, что смогу удержаться от чего-то подобного.

Йовис стиснул зубы, но все-таки склонил голову. Мелкие капли дождя вокруг его макушки в свете ближайшей лампы сливались в золотистый нимб.

– Понятно. Но я не знаю, будет ли это хорошо для людей. Они столько перенесли: их дети умирали на Празднике десятины, любимые умирали от болезни осколка. Люди хотят, чтобы это прекратилось.

– Я сделаю все, что в моих силах. Больше я ничего не могу обещать.

Йовис остановился посреди улицы и посмотрел в небо.

– Что там? – Я проследила за его взглядом. – Конструкция вернулась?

– Нет. Есть еще кое-что, о чем я должен тебе рассказать, потому что это и тебя тоже касается.

Если весь предыдущий разговор был проверкой, то я ее прошла, поэтому я молчала и просто ждала, что он скажет.

– Когда я дрался с той четырехрукой конструкцией на парадном крыльце дворца, кое-что случилось. Кое-что новое. Или, вернее, так – я сделал кое-что, чего раньше никогда не делал.

Йовис поморщился.

– И что же это было?

– Эта дрожь в костях. Ее можно использовать... В общем, с ее помощью можно сотрясать землю... но не только.

Ночь была теплой, но мои туфли промокли и воняли помоями, завитки волос прилипли к шее, капли дождя стекали по ключице под рубашку. Мне хотелось обсохнуть, забраться в кровать, прижаться к Тране и уснуть.

– Ты собираешься продолжать или мы простоим тут до утра?

Йовис поднял руки:

– Я честен с тобой. Абсолютно честен. Смотри.

Выражение лица Йовиса изменилось, оно стало сосредоточенным.

Я ждала.

– И на что мне смотреть?

И тогда я это увидела. Окружавшие нас капли дождя зависли в воздухе, а потом снова пришли в движение, только теперь они не падали на мостовую, а закружились и начали соединяться.

Йовис поднял левую руку, и над его пальцами образовалась сфера из воды. Он ни разу на меня не взглянул, все время смотрел на воду.

А потом мрачно спросил:

– Ничего не напоминает?

Я вспомнила фреску, на которой Арримус защищала свой остров от Мэфисоло. Вспомнила легенды о Дионе, который мог одним взмахом руки потоплять целые города.

Йовис позволил сфере из воды упасть на землю. Сфера разорвалась и забрызгала мне щиколотки. Но я почти ничего не почувствовала – я смотрела в глаза Йовису.

– Аланга, – прошептала я.

4 Лин

Императорский остров

Вернувшись прошлой ночью во дворец, мы обнаружили, что глаза изображенных на фреске людей открыты. Они смотрели на нас сверху вниз так, будто хотели опознать. Мне стало не по себе, даже мурашки по спине пробежали.

Йовис – один из Аланги? Если да, означает ли это, что и я тоже из их числа?

Это было выше моего понимания. По словам отца, Аланга были не такие, как мы, они владели магией, которая ставила их выше простых смертных. Аланга правили островами сотни лет назад и не всегда ладили между собой, а когда они вступали в конфликт, страдали все. В результате их ссор могли уйти под воду целые города. Согласно древним легендам, предки императора изгнали их от наших берегов. Отец предупреждал, что они могут вернуться, и говорил, что только он один сможет их остановить.

Когда я думала о возвращении Аланги, то всегда представляла, как они приплывают на лодках под парусами из каких-то неведомых мест, потом выбирают для себя Императорский остров, высаживаются и смешиваются с моим народом. Я никогда не думала, что кто-то из нас может оказаться одним из Аланги.

Если мы с Йовисом из Аланги, то тогда кто Мэфи и Трана? На старинных фресках нет подобных им существ. Если мы получили свою магическую силу в дар от наших друзей и если так же произошло и с Алангой, тогда почему ни на одной фреске рядом с ними нет никаких животных?

Мне хотелось вернуться в пещеры под дворцом и еще раз просмотреть книги – вдруг там есть ответ на этот вопрос? Но я должна была исполнять обязанности императора, а дни такие короткие, что всего не успеешь.

Медальон с фениксом лежал рядом с моей рукой, и я с трудом сдерживалась, чтобы не взять его и не постучать им по столу. Оказалось, что даже от привычки предшественника не так просто избавиться. Мужчина, который сидел напротив меня, очень старался не смотреть на медальон. Его проверили мои стражники, его прошлое тщательно изучили, да и я провела собственное небольшое расследование. Четвертый сын губернатора маленького острова, широко образован и начитан. Слуг нанимать просто, и рабочих тоже, но управитель – это другое дело.

Медальон я нашла в одном комодке отца, он лежал так глубоко, что застрял в задней стенке, и у меня не сразу получилось его оттуда вытащить. Отец уже много лет не принимал посланцев с других островов, он считал, что не нуждается в их поддержке. Нельзя было повторять его ошибку, да и после случая с конструкцией Лазутчик я поняла, что с конструкциями что-то происходит, и, сидя на Императорском острове, мне с этим не разобраться. Надо было своими глазами посмотреть, что делается на островах.

– Если я могу заручиться поддержкой одного-единственного острова, какой бы ты мне посоветовал?

Сын губернатора был ненамного старше меня, у него были маленькие, широко расставленные глаза, как у ягуара.

– Рия, – без колебаний ответил он. – После Головы Оленя на этом острове самые богатые шахты умных камней. Умные камни способствуют быстрой и эффективной торговле; владея этим ресурсом, мы сможем держать людей в узде.

На столе между нами дымился чайник с чаем, в наступившей тишине было слышно, как стучит по крыше дождь. Я не сводила с парня взгляда и в итоге решила, что у этого претендента

на пост управителя глаза не ягуара, а куницы. Он был очень уверен в себе, но только до того момента, как зарычал Бинг Тай. Тут сын губернатора сморгнул и побледнел.

– Тихо, Бинг Тай, – сказала я, и тот сразу успокоился.

Я снова переключила внимание на претендента, который пытался сохранить самообладание.

– Благодарю за твоё время, сай. Как только выбор будет сделан, мы уведомим о нём всех кандидатов. Закрой за собой дверь.

Тут он позволил себе мельком взглянуть на медальон, затем встал, поклонился и вышел.

– А с этим что не так, ваше высочество? – тяжело вздохнул Йовис у меня за спиной.

Мои пальцы непроизвольно скользнули к медальону, и я постучала им по столу.

– Слишком честолюбив. Мне нужен тот, кто будет управлять дворцом в моё отсутствие, мне не нужен тот, кто будет вместо меня править Империей. Этот, – я указала крылом медальона в сторону двери, – как только у него появится шанс, воткнет мне в спину эту прекрасную вещь.

– Бесхребетный управитель будет легкой жертвой для любого приехавшего с визитом губернатора. Они будут ему хамить, а у него не хватит духу ответить.

Я развернулась в кресле и посмотрела на Йовиса:

– Значит, по-твоему, я должна выбрать в управители хама?

Йовис поджал губы и посмотрел в окно, где уже начинало темнеть.

– Я просто хотел сказать, что это был длинный день.

Что правда, то правда. Прошлой ночью мы оба мало спали. Мне сон не шел даже после того, как я обсушилась и выпила чашку теплого чая.

– Ты думаешь, мы принадлежим к Аланге?

Йовис инстинктивно посмотрел за окно, потом на дверь, чтобы удостовериться, что нас никто не подслушивает. И правильно сделал, особенно после того случая с конструкцией, которую мы так и не смогли догнать.

– Скажу честно – не знаю. Но стоит задуматься: если здесь есть мы с тобой... могут ведь быть и другие?

– Тогда надо присматривать за Траной и Мэфи.

– И держать рот на замке.

Я всматривалась в него и думала: как быстро он стал моим доверенным лицом и не было ли это частью какого-то плана? Йовис не мог знать о Тране и о том, что у нас с ним есть общие особенности. Но с другой стороны, он без колебаний воспользовался своими способностями. Общий секрет связывал нас крепче, чем отношения между императором и капитаном Императорской гвардии. Йовис прав – это должно остаться нашей с ним тайной. Он может позволить себе продемонстрировать свою силу, и это сойдет ему с рук, но ко мне многие относятся с подозрением. Если откроется, что я способна делать то же, что и Йовис, найдется тот, кто свяжет наши способности с нашими спутниками, и они окажутся в опасности.

– Да, – согласилась я и поправила маленькую подушку под спиной, чтобы поудобнее устроиться в кресле. – Мы никому об этом не расскажем, по крайней мере до той поры, пока не узнаем больше.

Императорский головной убор я сняла после шестого кандидата. Мэфи и Трану мы отпустили во двор, чтобы они поиграли под дождем. Если бы не заботы об Империи, я бы с удовольствием в компании Траны и Бинг Тая свернулась калачиком напротив камина, да еще и миску горячего супа прихватила бы. Но в библиотеке было еще столько не прочитанных мной книг и столько вопросов без ответов.

– Я могу перенести встречи с остальными кандидатами на завтра, – предложил Йовис, как будто прочитав мои мысли.

Разве я смогу что-то исправить, если не буду прилагать в два раза больше усилий, чем отец?

Я выпрямилась и тряхнула головой:

– Нет. Они и так долго прождали. Пусть запустят следующего.

Йовис подчинился.

В комнату вошла молодая женщина. Было в ее походке что-то странное, как будто она опасалась наступить на невидимые осколки разбитой посуды. Плащ мокрый от дождя, – видимо, ей надоело ждать в коридоре и она выходила подышать во двор. От нее пахло сырой землей. Йовис занял место у меня за спиной, я слышала, как шуршит его одежда.

– Ваше высочество, – сказала женщина, – я не связана родственными узами ни с одним из губернаторов, но я правильно ответила на все проверочные вопросы. Я не могу похвастать образованностью, но обучена грамоте и прочитала много книг.

Она села на стул напротив меня, и я в тысячный раз вспомнила, как сидела напротив человека, который называл себя моим отцом, и жаждала добиться его принятия и любви. Как отчаянно хотела ответить на его вопросы и стать той, кем он хотел меня видеть. Но я никогда не оправдывала его ожиданий.

Теперь я – император, а он мертв. Но эта мысль не принесла мне облегчения и тем более радости.

Я сверилась со списком, который лежал передо мной на столе.

– Мерая?

Женщина кивнула, и я продолжила:

– Императорский дворец – это остров в миниатюре, здесь изо дня в день надо решать множество задач.

Я отложила медальон в сторону, но Мерая даже мельком на него не взглянула.

Она только слегка прищурилась перед тем, как броситься в атаку.

Ни Йовис, ни я не успели среагировать. Рука Мераи метнулась сначала назад, потом вперед, и что-то серебристое рассекло воздух. Я инстинктивно посмотрела на собственную грудь и только потом поняла, что целилась Мерая не в меня. У меня за спиной застонал Йовис.

Я, не отрывая взгляда от Мераи, отодвинулась вместе с креслом назад. Наклонившись, вытащила из-за спины подушку и выставила ее перед собой. В подушку вонзился небольшой кинжал.

Я услышала, как Йовис неуверенно шагнул вперед, и закричала:

– Бинг Тай!

Моя конструкция бросилась на мою защиту. Он с рыком запрыгнул на стол, а Мерая схватила металлический чайник и ударила им Бинг Тая по челюсти. Бинг Тай свалился со стола, горячий чай расплескался по полу. Я рискнула оглянуться. Йовис без сознания лежал на полу. Должно быть, оружие Мераи было отравлено. Йовис сумел вытащить из раны кинжал, и теперь он лежал рядом с ним; на лезвии была кровь. И только тогда я осознала, как громко у меня колотится сердце. Мы с наемной убийцей остались в комнате один на один, и нас разделял только деревянный стол.

Мерая достала из рукава длинный тонкий кинжал.

– Это не затянется, но и не будет так быстро, как тебе бы хотелось, – сказала она и поставила одну ногу на стол.

– На помощь! – закричала я и вытащила отравленный кинжал из подушки.

Эта женщина явно была хорошо подготовлена. Казалось, комната погрузилась в туман, отчетливо я видела только лицо наемной убийцы и ее оружие. От страха стало трудно дышать. Мне требовалась помощь Траны, но та еще была во дворе вместе с Мэфи.

– Почему? – спросила я, чтобы выиграть хоть немного времени.

– Я знаю легенды, – сказала Мерая. – Ты не оставишь меня в живых. Это будет правильно. Я знаю. Это за меня. За Чари.

О чем она?

Мерая бросилась вперед. Я, в надежде хоть как-то заблокировать удар, подняла подушку.

А потом что-то внутри меня загудело. Не задумываясь я позволила этому омыть всю меня. Это было сильнее, чем накануне ночью, как будто какое-то спящее существо проснулось и разорвало путы. Я швырнула в Мераю подушку с такой силой, что она разорвалась и на стол посыпались перья.

Мерая, оскалившись и подняв руку с кинжалом, двигалась через облако перьев. Мой отравленный кинжал был длиной меньше ладони, а рукоятки там практически не было, так что драться им не имело смысла, и я метнула его, как дротик. Мерая легко отбила его кинжалом.

Все, у меня не осталось ничего, только гул в костях и пустые ладони. Я вдруг остро осознала, какая мягкая у меня плоть, какая тонкая кожа.

Дверь распахнулась, и в комнату ворвались три императорских стража с обнаженными мечами.

Мерая подняла руку. Капли разлитого чая поднялись с пола и собрались в сферу перед ее рукой.

Стражи растерялись.

– Аланга, – выдохнул один.

Мерая метнула сферы из чая в их носы и глотки. У двоих хватило ума увернуться. Третья захлебнулась и выронила меч.

Двое оставшихся, мужчина и женщина, бросились на Мераю, не дав ей подготовиться к новому выпад. Она снова притянула влагу из воздуха и попыталась проделать тот же трюк, но ее действия были уже не такими уверенными, а Йовис хорошо подготовил своих стражей. Они были самыми ловкими и быстрыми, так что большая часть влаги попала им на плечи и не причинила никакого вреда. Третья стражница начала вставать, – видимо, к этому моменту Мерая утратила контроль над чаем, который в нее метнула.

Мерая нанесла удар ногой, атакующая ее стражница отлетела назад и с такой силой врезалась в колонну из тика, что та затрещала. Оставшиеся двое объединили свои усилия. У них были длинные мечи, а Мерая, хоть и была сильной и быстрой и отлично метала кинжалы, в ближнем бою оказалась не так хороша.

Удар мечом пришелся ей по левому плечу, она охнула, но кинжал не выронила. Двое стражей отгеснили ее к стене.

– Смотри! – крикнула стражница. – Ее рана!

Я увидела, как рана под разорванной рубашкой перестала кровоточить и стала затягиваться. Но Йовис отлично подготовил своих стражей – никто из них не отступил и не сбежал.

– Она теряет кровь, вот что главное, – сказал страж и продолжил насаждать на врага.

Финальная часть схватки была быстрой и жестокой.

Стражи один за другим наносили удары. Мерая пыталась их заблокировать, но, выставив вперед руку, открывала свою другую сторону. Стражи всю использовали ее неопытность в ближнем бою. Туника наемной убийцы намочла от крови, дыхание стало тяжелым. Одна рана затягивалась, но стражи тут же наносили другую.

Я хотела их остановить – ведь Мерая была такой же, как я. Но я не могла это признать, только не перед стражами.

А потом один меч прошел сквозь ее ребра в области сердца, а второй рассек горло.

Поздно. Слишком поздно.

Раны затягивались, но стражи снова и снова наносили удары. Мерая задыхалась, у нее в горле забулькала кровь.

Наконец она перестала шевелиться, и раны остались открытыми.

Страж встал и оперся на меч. Его волосы взмокли от пота. Он плюнул на изуродованный труп:

– Аланга.

И это прозвучало как ругательство.

Женщина-страж глянула на меня и приподняла бровь.

Да, стражи поклялись защищать меня, но мой долг – не дать Аланге вернуться.

Йовис.

Я резко развернулась, увидела, что он еще дышит, и крикнула:

– Врача!

В дверях появилась женщина в городской одежде. Я в одно мгновение оценила ее седые волосы цвета стали, суровые черты лица и коричневую тунику. Я не узнала эту женщину, но она появилась в комнате вопросов с карандашом в руке, причем держала его так, как будто это было ее оружие.

– Позови врача, – сказала я.

Женщина не растерялась и мгновенно без лишних вопросов подчинилась.

Я подошла к Йовису. Он едва дышал. Осторожно оттянув край разорванного мундира, я увидела, что рана уже закрылась. Плоть срасталась прямо у меня на глазах. Йовис поднял дрожащие руки и прикоснулся к моим пальцам.

– Эм... – чуть слышно сказал он. – Эма...

В его голосе было столько тоски и печали, словно он нашел то, что давно искал, но понимал, что потеряет снова. А потом его руки снова упали с груди на пол.

– Йовис? Йовис!

Дыхание у него выровнялось, но глаза оставались закрытыми. Я надеялась, что его тело победит яд.

На пороге появился врач.

Йовис пошевелился и пришел в себя. Туника у него на груди намочила от пота, но взгляд был ясным.

Если он устойчив к ядам, то и я, наверное, тоже. Правда, проверять это на себе мне совсем не хотелось.

– Сначала осмотри его. – Я указала на Йовиса.

Йовис отмахнулся от врача, на его мундире остался след от струйки крови, но он прижал ладонь к затянувшейся ране и сел.

– Все хорошо, просто царапина, не больше.

Врач растерялся, и седая женщина, которая вернулась вместе с ним, громко и четко шепнула ему прямо в ухо:

– Твой император отдала тебе приказ, ты не расслышал?

Врач подпрыгнул от неожиданности и кинулся к Йовису.

Йовис хоть и нетвердо, но уже стоял на ногах, рана почти затянулась.

– Надо перевязать, и он будет в полном порядке.

Потом врач подошел к стражнице, которая лежала возле тиковой колонны. Проверил дыхание и пульс, провел быстрый осмотр и вынес свой вердикт:

– Сломана шея. Она мертва. Сожалею, ваше высочество.

Страж прикрыл рот ладонью, стражница не выдержала и разрыдалась.

Мне трудно было найти нужные слова.

– Сегодня вечером проводим ее с почестями, – сказал Йовис, – сожжем тело с веточками дымчатого можжевельника.

Я откашлялась:

– Похоже, слухи оказались правдой: Аланга возвращается. В следующий раз мы будем лучше подготовлены.

Правда, я не представляла, как сдержать это обещание, если я сама из Аланги. Мерая упомянула еще одно имя. Чари? Кто это? Друг? Любовник? Или спутник, как Трана или Мэфи?
– Перенесите ее тело во двор, обряд проведем в саду.

О Тране пока еще не все знали. И Мерая могла тоже не знать. Хотя у нее могло и не быть такого спутника, как Трана или Мэфи. У людей Аланги, вообще, есть спутники или нет? Столько вопросов – и ни одного ответа.

Врач стоял рядом с телом погибшей стражницы, но, надо отдать ему должное, в этот раз дождался моего приказа.

Я кивнула:

– Можешь идти.

Бинг Тай бесшумным шагом прошел в конец стола и спокойно сел, а врач на пути к выходу обогнул его по широкой дуге.

Стражники подняли тело своей погибшей подруги и вынесли в коридор. Надо было найти кого-нибудь, кто бы занялся телом Мерая.

– Ты и ты, здесь еще одно тело, можете вынести его? – обратилась к слугам в коридоре седая женщина. Я заметила, что она продолжает сжимать в кулаке свой карандаш. – Уверена, император захочет, чтобы и пол здесь вымыли.

Дрожь наконец ушла из моих костей, и я почувствовала себя выжатой. Причем выжали меня не один раз. Сначала – конструкция Лазутчик, а теперь вот это. Чтобы узнать, что происходит в Империи и какие еще сюрпризы оставил мне отец, надо было покинуть Императорский остров.

– Ваше высочество? – обратилась ко мне седая женщина. Ее взгляд скользнул по изуродованному трупу наемной убийцы, но она даже не поморщилась. – Учитывая обстоятельства, следует ли мне вернуться завтра? Я ожидала своей очереди как кандидат на пост управителя дворца.

В критической ситуации она, даже не будучи нанятой мной, действовала быстро и решительно. Я убрала за уши растрепавшиеся во время схватки волосы.

– Как тебя зовут? Откуда ты? Расскажи о себе.

Женщина отвечала четко и без запинки:

– Меня зовут Икануй, большую часть жизни прожила на Императорском острове, но какое-то время обучалась в академии на Хуалин-Оре. У меня семеро детей. Хозяйство веду сама. Впрочем, младшие уже выросли, и теперь мой дом пуст. Я еще не стара и надеюсь использовать полученное образование.

Икануй явно отрепетировала свои ответы, но хорошая подготовка – это всегда плюс.

– Ни мужа, ни жены? – уточнила я.

– Никогда не хотела ими обзаводиться.

Я взяла со стола медальон управителя, подошла к дверям и передала его Икануй.

– Добро пожаловать во дворец, Икануй, – управитель императорского дворца. Нам многое предстоит обсудить до моего отъезда.

5 Йовис

Императорский остров

Рана на руке от отравленного кинжала наемной убийцы зажила, но утром, даже притом что Мэфи всю ночь спал рядом со мной, я все равно чувствовал легкое головокружение и не совсем понимал, где я и что здесь делаю. К полудню головокружение прошло, но дезориентация в пространстве и времени осталась, хотя, возможно, это из-за окружающей обстановки и компании, в которой я находился.

Во дворе дворца на скамье в нескольких шагах от меня сидела император. Она писала письма, время от времени останавливалась, прикладывала перо к губам и задумывалась.

Реставрационные работы во дворце почти закончились. Глядя на замысловатые архитектурные украшения и старинные фрески, я, наполовину похер, чувствовал себя неотесанным тупым простаком.

Слуги уже начали готовить багаж для дипломатического путешествия императора, хотя Лин пока не определилась, какие острова посетит, и корабль для этой цели тоже еще не выбрала.

Я стоял, опершись на свою дубинку, наблюдал за Лин и чувствовал себя бесполезным, как бумажный парус в шторм. Лин со стражниками сами справились с наемной убийцей, пока я валялся на полу, будто какая-то тряпка.

Аланга. Если эта убийца такая же, как мы, где во время покушения был ее спутник? Оставила своего питомца в резерве?

Когда я очнулся, наемная убийца уже была мертва. Жаль, что у меня не было шанса ее допросить, узнать, откуда она и чего хочет. С виду она была похожа на империанку.

По коридорам дворца поползли слухи. Стражи, которые обезвредили убийцу, рассказали всем, у кого имелись уши, о том, что у нее была власть над водой, какой она была сильной и как быстро затягивались ее раны. У людей внутри дворца, у слуг и стражников, возродилось чувство единства и общей цели. Империя была создана для того, чтобы противостоять Аланге, чтобы Аланга не смогла проникнуть на острова, а потом и закрепиться на них.

Отравленные кинжалы – признак спланированного и приправленного яростью убийства. Я послал в город и на пристани своих людей, чтобы они там порасспрашивали. Может, кто видел похожую на наемную убийцу женщину? Или знает, откуда она прибыла на Императорский остров? Кто она вообще такая?

И мне удалось кое-что выяснить. На лодке она прибыла одна. В гостинице, где остановилась, назвалась Мераей. Держалась сама по себе. На пристанях заявила, что прибыла с Анау и намерена надолго остаться на Императорском. Но дело в том, что я не узнал ее. Да, я давно покинул Анау, но эта женщина явно не хотела, чтобы ее проследили, и я не сомневался, что вся ее история – вранье.

Она действительно приплыла на Императорский одна? Вообще без спутников, какими бы они ни были? В поисках ответа на второй вопрос надо было соблюдать осторожность, чтобы не открыть свои карты.

Нет. Никто вместе с той женщиной никого не видел. В результате у меня осталось больше вопросов, чем ответов.

Мой долг капитана Императорской гвардии – обеспечивать безопасность Лин. Допустим, задача не самая сложная, но даже при таком раскладе ситуация у меня та еще. Я прибыл во дворец, чтобы свергнуть старого императора, и неожиданно для себя нашел на его месте нового

и молодого. План восстания сорвался. Что мне было делать? Помочь наемной убийце? Убить нового императора до того, как она назвала своего наследника?

Ранами сказала, чтобы я посылал безосколочным письма с отчетами. Ясное дело, убийство императора – неплохой первый шаг к их цели. Воцаряется хаос, а я остаюсь без прикрытия. Но Джо-то какое до меня дело? Прокручивая все эти мысли в голове, я понимал, что это не мое. Я нарушал закон, и притом не раз, я защищал себя и других, но я не был хладнокровным убийцей.

Лин в очередной раз отвлеклась от написания писем и посмотрела вверх, на затягивающие небо облака. Трана сидела справа от нее, Бинг Тай – слева. Трана заметно подросла с тех пор, как Лин взошла на престол, но, похоже, достигла своего предела и дальше расти не собиралась. Она была размером с крупную собаку, рога росли в стороны от головы и на концах раздваивались. Я смутно подозревал, что Мэфи ее никогда не перерастет. Мой приятель лежал у меня в ногах пузом кверху и шевелил усами во сне.

– Положить конец Праздникам десятины – этого мало, – сказала Лин. – Все ждут перемен и хотят, чтобы они произошли прямо сейчас, но я не уверена, что это возможно. На перемены требуется время.

Я откашлялся.

Она обращается ко мне? Ну уж точно не к облакам.

– Ваше высочество?

Лин чуть повернула голову в мою сторону, положила руку на плечо Бинг Тая и продолжила рассуждать вслух:

– Я попросила Икануй разослать плакаты. Назначила награду за конструкции на островах. Если у них больше нет хозяина – они опасны. И пока они живы, они высасывают жизнь из людей. И в то же время я еще не уничтожила все конструкции здесь, на Императорском острове. Надо показать людям свою решимость, но это тяжело. – Лин погладила свою конструкцию по шерсти, и та удовлетворенно запыхтела. – Бинг Тай не сделал ничего плохого. – Она говорила о конструкции так, как будто та была самостоятельной сущностью. – Он – все, что у меня есть. Он и Трана.

– У тебя есть твой управитель.

Губы Лин дрогнули в улыбке, и она снова посмотрела на облака.

– Да, думаю, так и есть.

– Икануй – хороший выбор. Императорский дворец во время твоего отсутствия будет в надежных руках.

Я говорил все это отстраненно, и мне было противно слышать собственный голос. Вот в кого я превратился. Прирожденный лакей. Особо одаренный шпион. Обманщик. Только не такой, каким был раньше.

– Да, она точно не бесхребетная. – Лин рассмеялась.

Значит, она не забыла тот наш разговор, хоть тогда в комнате вопросов и царил полный хаос.

Я неожиданно сам для себя улыбнулся:

– И в той ситуации она оказалась куда полезнее меня.

Лин подняла ноги и развернулась на скамейке так, чтобы оказаться лицом к лицу со мной.

– Из чего следует, что мы с тобой не способны справиться с критической ситуацией.

– Я бы не осмелился давать оценку твоим способностям.

Лин внимательно посмотрела на меня, и я снова как будто потерялся во времени и пространстве. Точно так на меня порой смотрела своими темными глазами Эмала.

Это несправедливо, несправедливо, что у нее такие же глаза, как у моей покойной жены.

– Прошу, закончи свою мысль, – сказала Лин. – Мне нужны люди, которые не боятся открыто говорить то, что думают.

Мне, конечно, не стоило продолжать этот разговор, но мой путь по жизни устлан ошибками, большими и маленькими.

– Дело не всегда в способности держать удар или в силе убежденности. Да, если ты уничтожишь Бинг Тая, это поможет продемонстрировать людям твои истинные намерения. Но наемная убийца думала, что ты, как и твои предки, нацелена на уничтожение Аланги. Всегда будут те, кто тебя ненавидит. Им необязательно писать трактат на эту тему. Возможно, они ненавидели твоего отца или потеряли близких из-за осколков или им просто не нравится, как ты выглядишь. Ты – император. Ты – могущественная. У людей сложится о тебе мнение, и оно не всегда будет хорошим. В какие-то моменты ты просто должна поступать так, как считаешь правильным.

Лин смерила меня долгим взглядом, как будто мысленно разбирала по косточкам. Почесала Бинг Тая за ушами и по седой морде, а потом ее пальцы проникли ему в грудь. Это было жуткое и одновременно завораживающее зрелище. Бинг Тай замер, кисть Лин целиком вошла в его грудь. Она вытащила из него несколько осколков костей, поменяла их местами и снова погрузила в тело конструкции.

– Он был хорошей конструкцией. Он спас мне жизнь.

Бинг Тай положил голову на колени Лин и тихо заскулил. Его шкура начала обвисать. Так плавится на огне приготовляемый для печати воск. Лин держала голову Бинг Тая в ладонях, пока он не перестал поскуливать, пока его тело не превратилось в кучу плоти и шерсти на брусчатке во дворе дворца.

– Все кончено, – тихо сказала Лин. – Больше нет ни одной конструкции, которая бы мне подчинилась. – Она искоса глянула на меня. – Убийца застала нас обоих врасплох. Ты обладаешь способностями и отлично знаешь свое дело, но больше никаких аудиенций без предварительного досмотра. Если столько людей готовы ненавидеть меня вне зависимости от того, что я пытаюсь для них сделать, значит я не могу никому доверять. Аланга будет ненавидеть меня за то, что я – Сукай. А все остальные готовы ненавидеть просто за то, что я владею магией осколков.

Или еще какой-то магией, просто люди пока о ней не знают. Но этого Лин не стала произносить вслух.

Да, у Лин, может, и были такие глаза, как у Эмалы, только я никогда не видел, чтобы глаза у Эмалы были такими грустными.

– Ты можешь мне доверять, но, как капитан Императорской гвардии, я обязан сказать, что ты не должна этого делать.

Я произнес это легко, и Лин так же легко это восприняла – ее лицо осветила улыбка, которая была ярче, чем полдень в сухой сезон. А вот мое сердце как будто оказалось зажатым в крабовой ловушке.

Она не должна мне доверять. Я посылал Безосколочному меньшинству сообщения о ней и ее планах. Я уже написал сообщение о пещере под дворцом, о тех странных книгах и флягах, что успел заметить, о наемной убийце, о том, что Лин планирует посетить острова.

Когда я прибыл на Императорский, думал, что помогу разрушить Империю, избавлю людей от Праздников десятины. Но Лин уже отменила эти праздники. Моя убежденность разлетелась, как семена на ветру, и больше не осталось надежной почвы, куда бы я мог снова их посадить.

Что делать? Сохранить верность Безосколочному меньшинству, притом что я не знаю, какие мотивы двигают его лидером? Или остаться верным присяге, которую я дал Лин?

Я не улыбнулся ей в ответ, и она снова помрачнела. Потом встала. Трана повторяла все ее движения.

– Мы остаемся на территории дворца, и на сегодня больше никаких посетителей. Ты не должен повсюду за мной ходить. Пусть твои стражники охраняют стены. А сам займись чем-нибудь еще. Хочешь, сходи в город. Ты едва не погиб, защищая меня, так что передохни.

– Это приказ, ваше высочество? – Я приподнял бровь.

– Просто настоятельная рекомендация.

И после этого она ушла, ее шелковая туника развевалась на ветру, оставляя после себя легкий запах жасмина.

Мэфи чуть слышно всхрипнул. Я тихонько пнул его, он заворчал, вздохнул и перевернулся на брюхо.

Проблем у меня хватало, но это никак не влияло на мою к нему привязанность. По правде сказать, она становилась сильнее.

– Эх, если б я мог спать, как ты, точно был бы таким же довольным увальнем, – сказал я.

Мэфи зевнул, облизался и заморгал спросонья, а я подавил зевету, которой он меня заразил, – нельзя было тратить свободное время на сон среди дня.

В город я старался ходить пореже. Порой мне казалось, что за мной наблюдают, и я не был уверен, что это просто мания преследования.

– Я уйду в город, – сказал я. – Ты, если хочешь, можешь остаться во дворце.

Это предложение заставило Мэфи зашевелиться, он встал. Из-под него что-то выкатилось, и он тут же попытался прикрыть это лапой.

– Что это у тебя там?

Мэфи пожал плечами. Ну это я так называл его движение, когда он вроде как ими пожимал.

– Ничего.

– Если ничего, ты бы и лапой не пошевелил.

Мэфи округлил карие глаза, уши у него встали торчком, и он поднял лапу.

Ничего себе – ничего! Значит, он теперь еще и врать научился. Думаю, когда он был мелким, я ему такой пример все же не подавал. Оказалось, что он прятал круглый нефрит, который был вырезан в форме двух сплетенных между собой рыб. Я поднял камень и стряхнул с него грязь.

– Это не твое.

– Я нашел. – Мэфи набычился. – Мне нравятся рыбы.

– Где нашел? – нахмурился я.

Мэфи почесал себя за ухом и только после этого ответил:

– В комнате.

– В какой комнате?

Мэфи погрыз шерсть на плече, как будто меня на расслышал.

Да уж, взрослея, он становился упрямее.

– Я уже тебе говорил: нельзя брать вещи, которые ты находишь в комнатах людей. Пойми, ты их на самом деле не находишь, их оставили там по какой-то причине, и они не твои.

Я убрал резной нефрит в карман и подумал: надо будет попросить стражников и слуг выяснить, не терял ли кто такой камень. Причем это было уже не в первый раз. Ну вот как научить такого, как Мэфи, уважать чужую собственность?

Мэфи прижал уши, оскалился и скакнул вперед, боднув меня в бедро, и обвил хвостом колени.

– Эй, эй, поосторожнее, – возмутился я. – Ты со своими этими рогами прямо как козел.

– Никакой я не козел! – Мэфи снова оскалился, и я в тысячный раз спросил:

– Тогда кто?

Мэфи снова «пожал плечами»:

– Мы идем?

Я на всякий случай заглянул в кошелек – все нормально, наполнил еще утром. У Мэфи такой аппетит, что с полупустым кошельком в город лучше не выходить. Когда мы шли по городу, возникало такое ощущение, что уличные торговцы знали о нашем приближении и заранее выкладывали все лакомые кусочки на видное место, причем, расхваливая свой товар, обращались не ко мне, а скорее к Мэфи.

Я почесал щеки своего приятеля – за хорошее поведение можно и побаловать. У ворот отдал распоряжения стражникам: смотреть в оба, чужих не впускать, иметь понимание, где император, но не ходить за ней по пятам. Никаких поставок на Императорский остров в тот день не ожидалось, работников мы нанимать не планировали, и я был уверен, что стражники справятся и без меня.

Мы вошли в город. Обычный день – на улицахлюдно. Справа прошел торговец с корзиной потрошенной рыбы, фартук у него был весь в пятнах крови. Слева хозяин таверны, пользуясь хорошей погодой, расставлял на улице столики.

Мэфи трусил рядом и ждал, когда я подам сигнал остановиться.

– Мне тут надо кое-куда заглянуть, так что куплю тебе чего-нибудь на обратном пути, – пообещал я.

Мэфи недовольно заурчал, но ничего не ответил.

У меня зачесался затылок, как будто кто-то пальцами по волосам провел. Я осторожно оглянулся, и показалось, что кто-то наблюдает за мной из-за угла ближайшего дома. Может, и нервы расшалились, все-таки я пережил нападение наемной убийцы, а до этого еще была погоня за конструкцией Лазутчик. Но на всякий случай я крепче сжал свою дубинку и положил ладонь на рог Мэфи.

– Держись рядом.

Положение у меня было, мягко сказать, шаткое. Не хватало только попасться в момент отсылки сообщения безосколочным. Все сообщения были зашифрованы и запечатаны печатью, очень похожей на императорскую, только у феникса на гребне было на одно перо больше. Редкая птица решилась бы сунуться в переписку императора, но, если кто-то бы решился на такое, у него бы обязательно возникли вопросы: почему я так часто посещаю гавани и почему вдруг императору пришлось в голову отправлять свои письма через уличную торговку?

Лин была добра ко мне, но я много читал и был в курсе жестокой истории правления династии Сукай. В случае чего мне могли легко снести голову, а перед этим еще бы и укоротили меня в некоторых местах, чтобы помучился.

Ближе к пристаням атмосфера торговли стала меняться – здесь густо пахло соленой водой и потрошенной рыбой, недавно выловленные кальмары едва не выползали из ящиков на брусчатку, а в бочках извивались и кишели угри.

Я дважды прошел обратно по своим следам, пусть это даже и не было обязательно, и только потом направился к прилавку нужной торговки и скомандовал Мэфи:

– Держи ухо востро.

Над лавкой торгующей парным хлебом торговки был вывешен белый флажок. Пар заволакивал заднюю стенку ее палатки. На кострах кипели котелки. Рядом стояли водруженные друг на друга плетенные из бамбука корзины. Женщина с щипцами в руках укладывала пышные белые хлебцы на поднос. Худая такая женщина с длинной черной косой.

– Капитан! – Увидев меня, торговка улыбнулась и часто заморгала.

Я остановился и заметил, что у нее над бровями выступила тонкая полоска из капель пота. Что-то было не так.

Посмотрел ей за спину. Ничего особенного – просто поставленные друг на друга ящики. Но я уже нарывался на такое, поэтому спокойно попросил:

– Выйди, чтобы я мог тебя увидеть.

Филин, лучшая ищейка Иоф Карн, появилась из-за пирамиды ящиков. Причем с кинжалом в руке. Она шагнула вперед и приставила острие кинжала к пояснице торговки.

Торговка поморщилась, и одновременно начала подпрыгивать крышка на одном из котелков с кипящей водой.

– А ты с нашей последней встречи определенно преуспел, Йовис, – сказала Филин. – Капитан Императорской гвардии!

6 Нисонг

Северо-восточная окраина Империи

Сырые дома плохо горят. Нисонг поняла, что снаружи их не поджечь, поэтому послала конструкции внутрь, туда, где тепло и сухо. Ей совсем не нравилось слышать крики фермеров, которые смотрели на свои горящие дома, но она испытывала удовлетворение, когда видела поднимающиеся к небу искры и слышала треск обрушивающихся балок.

А вот губернатор острова так и не появился.

Он заперся в своем доме, и его стражники вместе с ним. Вокруг дома губернатора не было стен, так что его и дворцом-то нельзя было назвать. Да и с чего, это же не Императорский остров, а так – клочок земли. Но двери и ставни губернаторского дома были крепкими, через них даже конструкции не могли пробиться.

За спиной Нисонг, возле полевой кухни, стоял Шелл. Он прислонил свое копье к столу и нарезал зеленый лук.

– Осада – это понятно, – сказал Шелл, когда она несколько удивленно на него посмотрела, и сбросил нарезанный лук в котел, – но есть все равно надо.

Корал собрала душистой травы для приправы, Грасс нашла стол и котел, Лиф развел костер, а Фронд расщепил для костра прибитую к берегу корягу. Нисонг хотелось бы узнать, какие воспоминания роились у него в голове. Насколько она понимала, у Фронда они были, пусть он и видел их только во сне.

Шелл махнул ей рукой:

– Сколько ни смотри на дверь, от взгляда она не откроется. – Он поднял миску. – Иди поешь.

Было как-то странно принимать миску из его мозолистых рук, а потом держать ее над котлом и ждать, когда Корал нальет суп. Они так часто повторяли эти действия на Маиле, где их мозг был погружен в туман.

Лиф ойкнул и помахал ладонью перед ртом:

– Слишком острый! Тебе обязательно класть во все, что готовишь, жгучий перец?

– А у тебя такой нежный язык, что ты вечно жалуешься? – спросил Шелл.

Лиф постучал длинным пальцем по подбородку:

– На Маиле ты мне больше нравился.

– Не думаю, что тебе вообще хоть что-то нравилось на Маиле, – усмехнулся Шелл.

– Никому из нас там не нравилось. – Нисонг подула на суп.

Они еще не особо сознавали, что им нравится, а что – нет.

Нисонг с наслаждением проглотила первую ложку супа. Он был таким горячим, что у нее даже глаза заслезились. Треск костра под котлом звучал как слабое эхо пожара в деревне.

– Придется здесь остаться на какое-то время.

Фронд подсел к ней и, продолжая вырезать из коряги фигурку летящей птицы, спросил:

– Сэнд... о, прости, Нисонг, может, попробуем постучать?

Нисонг посмотрела на него как на пустое место. Фронд пожал плечами, а она поставила миску на землю, взяла свою дубинку и пошла к дому губернатора. Там постучала кулаком в дверь.

Никто не ответил. А чего еще было ждать?

Холодный влажный ветер лизнул Нисонг по шее. Темные тучи образовали занавес, на фоне которого полыхали дома фермеров. Нисонг не собиралась сдаваться. Не важно, как

долго губернатор рассчитывает отсиживаться, у нее хватит терпения. Он даже не представляет, насколько она терпелива.

На то, чтобы переправить конструкции на необитаемый остров, ушло много времени. Потом потребовалось время на то, чтобы захватить больше кораблей и припасов, потом на то, чтобы разведать обстановку на ближайших обитаемых островах и собрать больше конструкций для предстоящего дела. Последнее было самым легким. Бедняги были потеряны, не знали, что им делать, и прятались от людей, которые желали им смерти. Несколько добрых слов, обещание работы во имя великой цели – и они у нее в руках. Конструкции имели право себя защищать. Имели право наказывать тех, кто смотрел на них как на волков, которых надо преследовать и уничтожать.

Первый остров легко взяли штурмом, местные жители почти не оказывали сопротивления. А вот на этом пришлось сложнее. Но этого следовало ожидать. Местные, видимо, узнали, что случилось на первом острове, и решили так просто не сдаваться. Мелкие острова вечно соперничали между собой, каждый считал, что если не в одном, так в другом лучше соседа.

Нисонг приказала своим конструкциям Воин согнать уцелевших фермеров, конструкциям Чиновник заняться припасами, а Лазутчиков послала на дальние острова.

Конструкции с Маилы, те, которые тоже выглядели как люди, поджигали факелами дома. Но Лиф, Грасс, Фронд, Шелл и Корал первыми освободились от тумана в голове и помогли ей управлять лодкой с синими парусами.

Они были ее друзьями.

Нисонг постучала еще раз и крикнула:

– Мы знаем, что ты там!

В голове промелькнуло воспоминание: она прячется в пустом шкафу, а старшая сестра ее ищет. Нисонг моргнула, и воспоминание исчезло, только запах старого дерева еще какое-то время щекотал нос.

– Приготовьте оружие. Стены могут быть каменными, – сказала она своим троим друзьям громче, чем того требовала обстановка, – а вот дерево точно загорится.

На верхнем этаже распахнулись ставни, и мужской голос прокричал:

– Подожди! Чего вам надо?

– Нам нужен губернатор! – крикнула в ответ Нисонг. – Остальных не тронем. Просто отдайте нам губернатора.

– Никогда!

Судя по ответу, именно с губернатором Нисонг и говорила.

– Мы уничтожили деревню. Ваши люди в меньшинстве. Нет смысла сопротивляться. Либо один из вас умрет, либо вы все.

Нисонг не собиралась обосновываться на захваченных островах – все они были лишь остановками на пути к ее конечной цели, к Императорскому острову. Но она понимала, что не может оставить в живых здешнего губернатора, – он соберет оставшихся фермеров и превратится в угрозу с фланга. Убей лидера – и выведешь из строя всех остальных.

– Именем древней Аланги – кто ты такая?

– Я – Нисонг, – коротко и просто ответила она.

– Зачем ты здесь? Хочешь денег? Власти? Или тебе нравится все разрушать?

Нисонг покачала головой и, закусив нижнюю губу, почувствовала шрам, который тянулся от щеки.

Нет, дело тут не в разрушении, дело – в справедливости.

Новости распространялись по Империи со скоростью умных камней. Император умер. На престол взошла его дочь. Когда Нисонг об этом услышала, ей на мгновение стало совсем худо. Империя уплыла из ее воспоминаний, оставив после себя только Шияна и Нисонг. Есть

для нее место в этом мире или она должна раствориться где-то на задворках, как не раз уже делала?

А потом она узнала, что император назначила награду за конструкции. Это она поняла – они создали ее, бросили, а теперь хотят, чтобы она умерла, и ее люди тоже.

– Вы назначили награду за наши головы. Разве у меня есть выбор?

Нисонг с удовольствием почувствовала, как на нее накатывает волна гнева и желание убивать.

– Награду? Я не имею к этому никакого отношения. Я даже не знаю, о чем ты говоришь. Убьешь меня – и чего добьешься? Империя придет. Император придет. Даже малая часть Императорской гвардии вас уничтожит.

– Ты думаешь?

Корал прикоснулась к плечу Нисонг:

– Слушай.

Из глубины дома донесся звук шагов. Нисонг напряглась и все поняла за мгновение до того, как это случилось.

– Приготовьтесь, они...

Дверь распахнулась, и на порог выскочили стражники.

Похоже, не одна она понимала, насколько важно убить лидера. Их не волновало, что она говорит, она должна была стоять у порога, пока они не перегруппируются.

Шелл с высоко поднятым копьём выскочил вперед и сразил сначала одного стражника, а потом и второго.

– Ко мне! – крикнула Нисонг, подняв дубинку.

Но она не знала, как быстро придут на подмогу другие конструкции.

Из дома выбежали еще восемь стражников и набросились на Шелла, как будто он был молодым деревцем, которое им надо срубить. Шелл успел отразить два удара, а потом повалился на землю и исчез у них под ногами.

Нисонг сделала резкий вдох и почувствовала в горле привкус дыма. Шагнула вперед и застала одного из стражников врасплох. Ударила дубинкой в висок. С удовлетворением услышала, как треснул череп. Теплая кровь брызнула в лицо. Под ногами чавкала холодная грязь.

Лиф и Корал встали по бокам от Нисонг, а Грасс с размаху зашвырнула внутрь дома горящий факел. Мебель в холле была из плетеного тростника и быстро занялась.

Нисонг мысленно одобрила действия Грасс.

Огонь в доме отвлек стражников. Лиф был худощавым и невысоким, но отлично владел мечом и быстро сообразил, как повернуть ситуацию в свою пользу. Стоило одной стражнице обернуться к загоревшемуся дому, он нанес ей удар по горлу, и она, вся окровавленная, повалилась на землю.

Осталось шесть стражников.

Корал не могла драться, но стражники об этом не знали. Она, стиснув зубы, стояла с двумя ножами в руках, и вид у нее был такой, будто она знает, как с ними обращаться.

Стражники взяли их в кольцо и ждали, когда кто-то откроется.

– Ваш губернатор задыхается в дыму, – сказала Нисонг. – Он умрет, если вы ему не поможете.

Стражники заколебались. Только один решился сделать выпад, но Нисонг легко его отразила и тут услышала у себя за спиной громкий рык.

Набежавшие конструкции Воин цапали стражников за ноги и руки и теснили их назад, к губернаторскому дому.

Шелл.

Нисонг бросилась к нему, продираясь между покрытыми шерстью телами своих воинов. Он лежал возле парадной двери, весь окровавленный и заляпанный грязью. На мгновение их

взгляды встретились. Нисонг ждала, что он застонет, с трудом поднимется на ноги и станет сожалеть о своем сломанном копье. А потом поняла, что Шелл не моргает.

Нисонг опустилась на колени в грязь рядом с Шеллом и взяла его холодные руки в свои.

Он был первым, кто поделился с ней воспоминаниями о своей прошлой жизни, хоть и говорил, что они были больше похожи на сны. Запах имбиря. Костер. Мужчина и женщина, и ребенок, которого он любит. У Нисонг тоже были воспоминания о прошлой жизни, но в этой Шелл был ее семьей. Каждый раз, когда они высаживались на новый остров, он шел первым – спина прямая, копье наготове. Так он и погиб.

Конструкции Воин накинута на стражников. Воздух наполнился звериным рыком и криками мужчин и женщин, а Нисонг думала о том, может ли она, созданная человеком, но не рожденная от него, плакать.

Прикоснулась к своим щекам и почувствовала, что они мокрые. Значит, может.

Корал первой осмелилась к ней обратиться.

– Огонь, – сказала она, – нам его потушить? Губернатор все еще в доме.

Нисонг планировала быструю смерть для губернатора, считала, что ни к чему заставлять его мучиться. Но теперь внутри ее все кипело и бурлило от злости.

Она облизнулась и почувствовала на губах привкус меди. Выпустила безжизненную руку Шелла.

– Нет. Пусть сгорит.

Лиф опустился рядом с ней на колени и дрожащими пальцами закрыл Шеллу глаза. Конструкции Воин собрались вокруг. Все стражники к этому времени были мертвы. Хорошо.

Подожла Грасс. Она привела две конструкции, чтобы перенести тело Шелла.

– Мы соблюдаем ритуал, – сказала она хриплым голосом. – Сегодня вечером. На берегу. Я распорядюсь, чтобы нашли можжевельник.

Нисонг сжала кулаки:

– Он не должен был здесь умереть.

– Да, не должен. – Грасс прикоснулась к ее плечу. – Но он умер. Мне жаль. Мы все сожалеем.

– Губернатор был прав, – сказал Лиф, поднимаясь на ноги. – Империя придет, как только до них дойдут слухи, что мы тут сделали. У нас недостаточно Воинов, нам от них не отбиться. – Он выставил перед собой ладони, как будто это были чаши весов. – Чтобы собрать больше конструкций для нашего дела, нам надо захватить следующий остров; чтобы захватить остров, надо драться; будем драться – понесем потери и нас станет меньше.

Убей лидера – и обезглавишь всех.

– Найди добровольцев, – сказала Нисонг, обращаясь к Грасс. – Добровольцы должны выглядеть как мы и уметь сражаться. Одних пошлем убить императора, других – на острова на поиски конструкций. Пусть посеют хаос.

Грасс молча кивнула и ушла.

Корал, пытаясь как-то успокоить Нисонг, погладила ее по спине и вздохнула.

– Надо будет сжечь и другие тела. Тех фермеров, которые пытались оказать сопротивление.

– Только не вместе с Шеллом, – сказал Фронд. – Он заслужил свой собственный погребальный костер.

– Конечно заслужил, – сказала Корал таким тоном, как будто ее оскорбило предположение, что она может думать иначе. – Но мы не можем оставить фермеров на съедение червям.

На последней фразе Корал внутри Нисонг что-то изменилось. Запах гари и дыма улетучился, его сменил запах сандалового дерева. И все вокруг исчезло, теперь Нисонг находилась в темных подземельях дворца. На ее руках темнели пятна крови.

Теплое дыхание защекотало ухо.

– Снова заработалась допоздна?

– Шиян, – улынулась она, – если бы я не работала, кто бы тебе помог? Тебе столько проблем надо решить.

Он положил ладонь на ее заметно увеличившийся живот:

– Скоро на свет появится еще один Сукай.

– И пройдут годы, прежде чем она сможет чему-то научиться.

– Она?

– Всего лишь догадка.

Шиян поцеловал ее в шею, и она задрожала.

– Идем в постель, – сказал он.

– Это приказ, ваше высочество? – игриво спросила она и в награду услышала его роко-чущий смех.

– Всего лишь пожелание. Ты здесь уже почти всю ночь провела.

Она снова посмотрела на конструкцию и на разложенные на куске белой ткани осколки. Осколки она группировала по командам, аккуратно вырезала слова и тщательно все перепроверяла.

– Если Аланга, как ты говоришь, действительно намерена вернуться, одного старого артефакта нам будет недостаточно.

– Это не просто артефакт, это нечто большее...

– Знаю. Но мы не можем, не должны полагаться только на него. Конструкции могут преодолеть разрыв.

Шиян снова наклонился к ее шее и слегка укусил, и все команды, которые она удерживала в голове, тут же смыло горячей волной.

– Это может подождать одну ночь? – хриплым от возбуждения голосом спросил он.

Она вытерла куском ткани руки и развернулась.

Его темные глаза при свете лампы казались еще темнее.

– Если только одну.

На щеку Нисонг упали две капли дождя. Запах сандалового дерева исчез, она снова была возле губернаторского дома. Воспоминания были такими острыми и яркими, что она не сразу смогла вернуться в реальность. И это притом что Нисонг уже знала, что император был стар и не так давно умер. Неужели она так долго собирала манго на далеком от центра Империи острове, что потеряла способность думать? Захватом двух островов ничего не закончится. Она – Нисонг. Когда-то она была супругой императора. И она первая, не являясь членом императорской династии, овладела магией осколков костей.

Ладонь Корал все еще лежала у нее на спине. Резким движением плеча Нисонг сбросила ее.

– Нет, мы не будем сжигать их тела.

– Не будем? – Корал удивленно приподняла бровь.

Нисонг встала и позволила конструкциям унести тело Шелла на берег.

– Несколько домов уцелело, разложите тела там. А с десятков конструкций Хищник пусть сторожат выживших фермеров.

7 Лин

Императорский остров

Я стояла у окна и провожала взглядом Йовиса с Мэфи, пока они не покинули стены дворца. Обследовать секретную пещеру помешала погоня за конструкцией Лазутчик через весь город. Йовис, похоже, обрадовался свободному дню. Мне и самой был нужен день, свободный от его бдительного ока.

Трана потерялась о мою ногу, я почувствовала, что ее немного трясет. Шерсть у Траны наконец-то отросла, теперь она была густой и гладкой – коричневая, чуть темнее, чем у Мэфи, и в черную полоску. Следы пребывания в заточении исчезли.

– Прости, но мы должны вернуться в ту комнату. – Я направилась к двери.

– Плохо, – немного поколебавшись, сказала Трана.

Сама крупнее Мэфи, Трана обладала меньшим словарным запасом и предложения составляла не так ловко. Трана куда угодно пошла бы ради меня, но она ненавидела место, где ее держали в заточении. В отличие от Мэфи, который был беззаботным и дружелюбным, Трана в обществе людей держалась настороженно, особенно ее напрягали мужчины. Я не раз замечала, что, когда какой-нибудь мужчина поднимал рядом с ней руку, она сразу вся как будто съеживалась.

Мой отец и Баяна тоже бил.

Я сказала Йовису, что Баян был обязан мне жизнью, но он, хоть мне и не хотелось это признавать, не остался в долгу и тоже спас мне жизнь. Если бы он не отвлек внимание на себя, я бы не смогла подобраться к той жуткой конструкции отца.

Сейчас мне была нужна Трана, на случай если я столкнусь с чем-нибудь еще. Сколько времени провела в подземной комнате та тварь? Голодная и выжидающая?

Два императорских стражника встали по стойке смирно, как только я открыла дверь, а когда я направилась к лестнице, гуськом пошли следом. Вот уж никогда не думала, что буду скучать по временам, когда не могла покидать стены дворца, а в коридорах и залах лишь изредка попадались запуганные отцом слуги. Теперь во дворце былолюдно, прямо как в городе, и постоянно кому-то требовалось мое время или внимание, мне задавали вопросы или просили о вмешательстве. Управитель должна была взять на себя хотя бы часть моих повседневных забот.

Глаза Аланги все еще были открыты. Я остановилась в парадном зале, чтобы получше их разглядеть, и мне было плевать, что об этом подумают стражники. Фреска потускнела, очертания лиц стали похожи, все они смотрели в сторону гавани, словно ожидали прибытия кого-то или чего-то.

Слуги старались как можно быстрее проходить мимо фрески, как будто так могли спастись от гнева Аланги.

Как же я хотела узнать, что это за магия и что означает эта фреска.

Внизу слуги с корзинами белья из стирки и продуктами из города проворно уступали нам дорогу. Дверь в кухню была тонкой, оттуда просачивались запахи чеснока, имбиря и зеленого лука, и, судя по шуму, готовка там шла полным ходом.

Комната осколков находилась в задней части дворца, прямо напротив склона горы, на которой он был построен.

– Вы можете подождать меня здесь, – сказала я стражникам.

Они переглянулись, женщина-страж облизнула пересохшие, видимо от волнения, губы и рискнула возразить:

– Мы приставлены к вам для вашей защиты.

– Меня есть кому защитить. – Я указала на Трану. – Кроме того, эта дверь – единственный вход и выход из комнаты. – Это было не так, но стражники об этом не знали. – Смотрите в оба, и я буду в полной безопасности.

После этого, не ожидая их реакции, я открыла дверь ключом и проскользнула в темную комнату. Трана не отставала.

По пути в ту комнату она вся дрожала и шерсть у нее на спине стояла дыбом, но она все равно шла со мной. Я остановилась, присела на корточки и обняла ее за плечи. От нее сладко пахло свежескопанной землей.

– Знаю, ты там настрадалась, но сейчас я с тобой. Я не допущу, чтобы кто-то или что-то сделало тебе больно. Обещаю. Прошу, поверь мне.

Трана перестала дрожать.

– Да.

Когда я встала, она покорно прошла за мной в дверь с бронзовыми панелями, на которых был выгравирован дымчатый можжевельник.

В пещере после моего ухода ничего не изменилось, люк остался открытым. Пришлось лишь снова заполнить маслом и зажечь лампы и потратить немного времени на уговоры Траны, чтобы она вошла в пещеру. Но с ней я всегда была терпелива, и с моим-то характером это давалось мне без труда. Возможно, это потому, что она безоговорочно мне доверяла. Или потому, что, глядя на нее, я всякий раз вспоминала ее тезку – дочку Нумина, Трану. Она была сильной и одновременно хрупкой, и она нуждалась во мне.

– Где ты жила до того, как мой отец привел тебя сюда? – спросила я, когда Трана с опаской проходила мимо машины памяти.

– Не знаю. – Трана склонила голову и опустила хвост. – Не помню. Темно, а потом он. Хотел, чтобы я не двигалась. И слушалась.

Я погладила ее по голове, а потом почесала за ушами и за рогами, как она любила. Трана прислонилась головой к моей ноге. Похоже, она, как и Мэфи, не знала, откуда пришла. Возможно, где-то в зашифрованных записях отца упоминается о том, где он ее взял. Если бы я нашла ответ на этот вопрос, это указало бы путь к пониманию того, принадлежим мы с Йовисом к Аланге или все-таки нет. А если да, то как и зачем она была создана. Почему сейчас, а не раньше? Отец действительно искал способы остановить Алангу? Если да, то что это за способы?

Я спустилась по лестнице. Трана, в отличие от Мэфи, не могла последовать за мной и залегла у края люка, приготовившись спрыгнуть вниз, как только мне потребуется ее помощь.

При свете лампы я осмотрела пещеру. Полки, которые я заметила в первый раз, были усыпаны осколками глиняных фляг и стеклянных бутылей. Я взяла один и понюхала. Запах был сладковатый, с примесью меди, как у той жидкости во флягах возле машины памяти. Может, отец перебил все, что стояло на этих полках, а может, тот монстр, когда пробудился и увидел меня, или Йовис, когда сотряс пещеру своей магией. Я раздраженно забросила осколок обратно на полку – теперь не узнать. На этих разбитых флягах не было ярлыков или каких-нибудь меток на пробках, никаких указаний.

Стоит ли начинать пить воспоминания, если нет ни одной подсказки об их содержании?

Но с другой стороны, один раз я уже это сделала.

Я решила осмотреть остальную часть пещеры и повыше подняла лампу. У отца были причины скрывать ото всех это место. Возможно, все дело было в глиняных флягах, но, пока я освещала темные сырые стены, во мне крепло чувство, что пещера хранит и другие секреты.

И я нашла меч.

Из стены напротив полок торчал металлический шип, а на нем висел на цепи меч в ножнах. Среди вещей отца он был совсем не к месту. Ученый, знаток магии осколков, старик с

проницательным взглядом и дурным характером – вот кем был мой отец. Я не могла представить его с мечом в руках даже в молодые годы. Единственным оружием отца был его посох.

В представлении «Восстание Феникса» первый Сукай победил Алангу с помощью магического меча. Актеры всегда очень драматично исполняли эту сцену: Ийлан Сукай поднимал свой меч, и вся Аланга валилась с ног. Я всегда думала, что это как-то слишком уж легко.

Но теперь, стоя с лампой в руке в пещере, которая находилась еще под одной пещерой под дворцом, я начала в этом сомневаться.

Если Йовис прав и мы с ним принадлежим к Аланге, что это значит для меня?

Я с опаской подошла ближе к стене. Возможно, мне вообще не следовало к ней приближаться, но я подумала, что как-то глупо бояться меча. Что он может сделать? Спрыгнет со стены и нападет на меня? Но опять же, что я знала о магии, которая одолела Алангу? Из спектакля «Восстание Феникса» было трудно что-то понять. Его играли, чтобы прославить династию Сукай и подчеркнуть опасность Аланги, а не чтобы рассказать зрителям, как с ней справиться.

До меня долетел звук шагов Траны.

Теперь я могла хорошо рассмотреть потертые кожаные ножны и обмотанную потрепанным шнуром рукоятку меча. На ножнах были выбиты языки пламени и феникс ближе к рукоятке. Просто старый меч. Бояться нечего. Задержав дыхание, я протянула руку. Кровь громко стучала в ушах.

Ножны были холодными на ощупь. Ни огня с небес, ни внезапной мучительной смерти, ни даже легкого покалывания. Мне хотелось смеяться. Конечно же, меч так не действует. «Восстание Феникса» – глупая пьеса, выдуманная автором, который давным-давно умер. Возможно, этот меч – семейная реликвия, часть прошлого династии Сукай.

Я пробежала пальцами по ножнам до рукоятки. Ничего не изменилось. Осмелев, приподняла меч и сняла его со стены. Он оказался легче, чем я ожидала. Хотя я сама не знала, чего ждать, потому что до этого ни разу не держала меч в руках. Но с ножами я была знакома, и они точно были тяжелыми. А этот меч... от него ощущения были иными.

Я немного вытщила его из ножен. Клинок был белым, но не ярким и блестящим, как сталь, а похожим на тонкие фарфоровые чашки, которыми так дорожил мой отец. Ближе к острию становился почти прозрачным.

Кто сделал этот меч и из чего?

Возможно, история «Восстания Феникса» не была выдумкой. Возможно, чтобы убить Алангу, достаточно поднять этот меч к небу. Тут я начала выплывать из своих глубин и вернула меч в ножны до того, как меня одолел соблазн прикоснуться к клинку или, что еще хуже, замахнуться им, вообразив себя древним воином.

Меня ждала работа.

Я повесила меч на плечо и поднялась по лестнице обратно.

Решила, что сделаю остановки на Рие, Нефилану, Хуалин-Оре и Гэлунге. В пути между островами будет достаточно времени на исследования и чтение. Продолжать спускаться в пещеру отца я не могла, но могла взять с собой часть того, что он там хранил.

Как только я выбралась из люка, Трана сразу принялась вертеться у меня в ногах. Она морщила лоб и тарщила глаза так, что я могла увидеть ее белки.

– Пора уходить?

Книги в лаборатории отца притягивали меня, это тихое место подходило мне больше, чем шумный дворец наверху.

– Я слышала звук в тоннеле, – сказала Трана и сразу привлекла мое внимание. – Пока ты была в пещере.

– Какой звук?

– Не знаю. – Трана пожала плечами. – Очень тихий. Далеко.

Я стиснула зубы. Йовис. Может этот человек хоть ненадолго оставить меня в покое? Впрочем, он прав. Надо составить расписание посещений моих запертых комнат. Нельзя ожидать от нового управителя, что она со всем справится, а у нас скоро будет наплыв посетителей.

Теперь я понимала, почему отец распустил большинство слуг и передал управление конструкторам. Ему столько всего надо было сделать, а он был единственным, кто мог ставить эксперименты в подземной лаборатории и кто владел магией осколков.

– Нам еще надо будет сюда вернуться, – сказала я Тране.

Она прижалась к моей ноге, но возражать не стала.

Трана была права – из тоннелей доносилось слабое эхо какого-то далекого грохота.

О том, что меч так и висит у меня на плече, я вспомнила только у двери с дымчатым можжевельником – он был таким легким, что я совсем о нем забыла. Надо было оставить его в лаборатории вместе с книгами отца. Но возвращаться было слишком поздно.

Теперь приглушенный грохот превратился в отчетливый и непрерывный стук.

Раскрасневшаяся, я прошагала через комнату осколков и по-прежнему с поднятой лампой в руке рывком распахнула дверь.

– Что еще...

Все резкие слова, что я собиралась сказать, умерли у меня на губах. Это был не Йовис. Он действительно взял выходной. Это была Икануй, а по бокам от нее стояли два стражника, которых я оставила на пороге комнаты. Управитель, приподняв бровь, скользнула взглядом по торчащей из-за моего плеча рукояти меча, но не отступила назад и, судя по виду, не чувствовала за собой никакой вины. Да, она не была бесхребетной.

– Ваше высочество. – Икануй склонила голову.

– О, прости...

С каких пор император извиняется? Я почувствовала, что покраснела еще больше, но уже по совсем другой причине.

– Я подумала... Впрочем, не важно.

– Вас непросто найти в случае необходимости, ваше высочество.

Икануй выбрала нейтральный тон, явно чтобы меня не разозлить, а мое чувство стыда от этого только усилилось. Я решила, что, когда в следующий раз пойду в подземную лабораторию отца, подопру дверь в комнату осколков, а Трану оставлю сторожить на пороге. Так Икануй в случае надобности будет легко получить ко мне доступ. Мой отец ни перед кем не держал ответ, но я должна это изменить, и не важно, нравится мне это или нет.

– Какое-то неотложное дело?

Управитель выше подняла голову:

– Конструкции в северо-восточных областях Империи организовались, ваше высочество.

В моей груди начал зарождаться страх. Конструкция Лазутчик была одной из них?

– До какой степени организовались?

– Я бы не стала использовать слово «армия», но они захватили два небольших острова к юго-западу от Маилы. И возможно, уже готовятся захватить следующий.

8 Йовис

Императорский остров

Филин не убирала кинжала от поясницы торговки, а проходившие мимо нас люди то ли не замечали этого, то ли делали вид, что не замечали.

Паника схватила меня за горло и начала потихоньку сжимать. Пришлось сглотнуть, чтобы как-то от нее избавиться.

Торговка что-нибудь ей сказала? Что известно Филин обо мне и данных мной клятвах? Успела узнать что-то, о чем сможет рассказать императору?

Я непроизвольно шагнул вперед и услышал низкий рык Мэфи.

Пришлось попросить:

– Не трогай ее.

– А твой питомец подрост, – заметила Филин, бросив взгляд на Мэфи. Видно, не забыла, как он еще совсем мелким цапнул ее за ногу. – Интересно, как тебе удалось так высоко взлететь?

Я прикинулся, будто мне плевать на все на свете, и старался не думать о приставленном к спине торговки кинжале и о письме во внутреннем кармане моего мундира.

– Ну если очень постараться и поверить в себя, можно достичь любых высот.

– О, я и забыла, что ты считаешь себя весельчаком. Йовис, карманный контрабандист императора, – растягивая слова, сказала Филин, а ее взгляд тем временем скользил по моему мундиру с пуговицами в виде хризантем, по медальону капитана Императорской гвардии и золотому поясу.

– Послушай, у меня есть деньги для Кафры. – Я бросил Филин кошелек, который, по счастью, наполнил утром, и она поймала его свободной рукой. – Это с лихвой покрывает остаток моего долга. Больше меня с Кафрой ничего не связывает, и на Иоф Карн я больше не работаю.

Филин заглянула в кошелек, сунула его в карман, но кинжал от спины торговки не убрала.

– Это Кафре решать, а никак не тебе.

Неужели Филин так и будет преследовать меня, куда бы я ни отправился? Я-то думал, что сбросил ее с хвоста, что Иоф Карн не осмелятся напасть на меня в самом сердце Империи.

У меня начали гудеть кости. Восприятие воды обострилось до такой степени, что я чувствовал всю влагу на улице: пар в воздухе, кипящую в котелках воду и ту, которая скопилась между булыжниками мостовой. Котелок, который стоял ближе всех к Филин, был до краев наполнен кипятком.

Я – капитан Императорской гвардии, и Мэфи рядом со мной. Я больше не какой-то своевольный и непокорный контрабандист.

– Возможно, в моем случае ему придется сделать исключение.

Филин, видимо, почувствовала угрозу в моем голосе и потянулась свободной рукой к пристегнутому к лодыжке второму кинжалу.

Да, она была быстрой, но я оказался быстрее – просто топнул ногой, и котелок, что стоял на огне рядом с ней, подпрыгнул на месте, выплеснув кипяток на ногу и левую руку Филин.

Этого оказалось достаточно. Филин выронила кинжал и зашипела от боли. Еще до того как она успела изменить позицию, я зашел за прилавок и подсек ее своей дубинкой.

Торговка отскочила с пути падающей Филин. Несколько любопытных прохожих сбавили шаг, я махнул им, чтобы шли дальше. Меня послушались, но тут главную роль сыграла моя униформа.

Я поднес конец дубинки к лицу Филин:

– Вздумаешь угрожать кому-то из тех, кого я знаю, будешь преследовать меня или пошлешь кого-то вместо себя, клянусь всеми известными мне островами, я тебя прикончу.

Что удивительно, я говорил все это вполне серьезно. Я убивал, только если понимал, что без этого не обойтись, но я приличный кусок жизни пробегал от Иоф Карн и столько лет их боялся, что теперь решил – с меня хватит.

– Я вернул то, что Кафра хотел за свою лодку, так что мы квиты и нас больше ничего не связывает.

Филин подняла руку и мягко отвела мою дубинку от своего лица.

– Я тебя услышала, и я тебя поняла, – сказала она и, крякнув, встала на ноги. – Вообще-то, я надеялась, что неверно запомнила, на что ты способен. Одно дело рассказывать Кафре о том, что произошло, другое – испытать это на себе. Ты знаешь, каким он бывает. Если заикнется на чем-то, сразу начинает просчитывать способы, как это получить.

Да, Кафру я знал. Он давал мне одно задание за другим и всякий раз находил повод сказать, что я все сделал не совсем так, как он хотел, и поэтому я все еще у него в долгу.

– И в этот раз это я. Снова.

– По правде говоря, да. Раньше ты был превосходным контрабандистом, а сейчас стал еще лучше. Теперь ты для нас – огромное приобретение, и не только из-за твоих способностей. Теперь ты состоишь на службе у императора, и ты один из ее самых высокопоставленных придворных.

О, Бескрайнее море, неужто Иоф Карн хотят, чтобы я и для них тоже шпионил?

Я переглянулся с торговкой, она только плечами пожала. Понятно, помощи от нее ждать нечего.

– И что Иоф Карн может предложить мне взамен? Как ты сама сказала, я один из самых высокопоставленных придворных императора. Чего ради мне связываться с преступной организацией?

– Иоф Карн может много чего предложить, – продолжала Филин. Если она и заметила, что я раздражен, ее это не отпугнуло. – У нас обширная контрабандная сеть, мы способны достать товар, который для других недоступен. Даже для императора.

– Меня не интересуют контрабандные товары, – сухо сказал я. – Кроме того, если я такой превосходный контрабандист, что мне мешает добыть их самому?

Филин пожала плечами и стряхнула грязь со своей кожаной одежды.

– Ты, похоже, сейчас немного занят. И на данный момент контрабандные товары тебя не интересуют. Но на будущее я бы на твоём месте не стала зарекаться.

И что мне было на это ответить? Что я оставил ту жизнь позади? Что теперь все изменилось? Что я уже не тот, кого она когда-то знала? Я бы почувствовал себя глупо, если бы произнес что-то из этого вслух.

Поэтому я просто признался:

– Я устал.

Филин приподняла бровь.

– Устал от того, что ты повсюду меня преследуешь, устал от тебя бегать, устал драться с тобой и с твоими прихвостнями. Я долго был связан с Иоф Карн, настолько долго, что знаю, как их развалить. Если Кафра не хочет, чтобы я поделился этой информацией с императором, пусть оставит меня в покое.

– Это угроза?

Я кивнул в сторону торговки:

– Угроза в ответ на угрозу моему другу.

– Видно, тебе очень нравится парной хлеб.

– Мне очень нравится охранять мир и покой на улицах столицы Империи, – парировал я. – С тобой-то что не так? Я не хочу видеть, как люди гибнут ни за что. Это так трудно понять? А теперь убирайся с глаз моих, и побыстрее.

Мэфи поравнялся со мной и ощерился, как будто хотел напомнить Филин, что у него есть зубы, и с того раза, как он ее куснул, они стали значительно крупнее.

– Ладно, – сказала Филин и попятилась из палатки. – Только, Йовис, если вдруг передумаешь, ты знаешь, где нас искать.

После этого она исчезла на улицах Императорского острова, как туман под лучами яркого солнца.

– У тебя много странных друзей, – слегка подрагивающим голосом заметила торговка и, повернувшись к своим горшкам, стала накрывать их крышками, которые послетали из-за моей злости на Филин.

Оглядев близлежащие улицы и убедившись, что опасность миновала и никто не смотрит в нашу сторону, я достал из внутреннего кармана мундира письмо и под прикрытием навеса над прилавком передал торговке. Она, даже не взглянув, сунула его под кувшин с дрожжевой закваской.

– Я бы не назвал ее другом, скорее она хвост, от которого никак не избавиться.

Торговка не среагировала на мои слова, просто достала из-под кувшина второй сложенный кусок пергамента и протянула мне.

– У меня для тебя тоже кое-что есть. – После недолгих раздумий она взяла с подноса две горячие булочки. – И вот еще возьми. Спасибо тебе.

Я навлек на нее опасность, она не должна была меня благодарить, но в животе урчало, а кошелек я отдал Филин, поэтому я взял у торговки булочки и передал одну Мэфи. Булочка исчезла в мгновение ока – с таким же успехом я мог закинуть ее в бездонный колодец.

Я затолкал письмо в карман. Приятных вестей в нем точно не было. Скорее всего, очередные инструкции. И что им теперь от меня надо?

Но на улице все равно письмо не прочитать, так что я перестал попусту ломать голову.

– Ты уж прости, что так получилось, – обратился я к Мэфи, когда мы на обратном пути снова проходили мимо лавок с едой. – Добудем тебе что-нибудь вкусное в кухнях дворца.

Мэфи на ходу потерся плечом о мою ногу – так он обычно без лишних слов давал мне знать, что извинения приняты.

Когда мы прошли за ворота дворца, заморосил мелкий дождь. Лин перестроила зал Вечного мира, чтобы в него могли заселиться ее придворные, включая меня. Икануй уже заселилась, но большинство комнат пока пустовало. Я проскользнул в ту, которую Лин выделила для меня, и закрыл за собой дверь. Мне еще не приходилось жить в таких просторных помещениях, а моя лодка, которая все еще стояла в гавани, по сравнению с моим новым жилищем и вовсе была малюткой. После прибытия на Императорский остров я пару раз выходил в море, но этого, конечно, было мало, все-таки она была моим домом, и я по ней тосковал. А комната в зале Вечного мира была не просто чересчур большой для меня, но какой-то слишком уж тихой и спокойной.

Письмо, которое передала мне торговка, не было запечатано. Я развернул пергамент, сел за стол и начал его расшифровывать. На первый взгляд в письме шла речь о начале влажного сезона, об улове рыбы, о друзьях семьи. Любой, кто захотел бы его прочитать, решил бы, что это письмо от кого-то из моих родственников с Анау.

Я выудил из письма все подходящие для моей ситуации слова и записал их на отдельном листке, потом проморгался и прочитал то, что получилось.

Безосколочные перехватывали поставки орехов каро в сердце Империи. Скорее всего, это идея Ранамы и Джио. Как только станет ясно, что Императорский и окружающие его острова недополучают орехи, губернаторы начнут жаловаться императору. В середине влажного сезона

болотный кашель распространяется повсюду и не щадит никого. Единственное лекарство от этой заразы – масло орехов каро.

Если император не сможет обеспечить поток торговли орехами, она утратит доверие губернаторов. А так как ее положение и без того шаткое, Безосколочное меньшинство сможет раскачать ситуацию еще больше, и она сама отречется от престола.

Мне все это не нравилось, ведь я был в самой гуще событий и якобы поддерживал императора.

Я вернулся к своим записям. Это была не просто новая информация о планах безосколочных. Джио знал о происходящем во дворце, о бесчисленных запертых комнатах, о том, что Лин и ее покойный отец проводили там по многу часов.

«У Лин есть меч с белым клинком, – говорилось в письме. – Найди его и укради».

9

Фалу

Остров Нефилану

Странно быть с отцом по разные стороны решетки.

Фалу открыла дверь в темницу и поставила поднос на пол. Отец сидел на койке, сцепив руки, и наблюдал. Он подождал, пока Фалу снова закроет дверь, и только после этого взял с подноса миску с лапшой. Свет лампы выхватил из темноты поднимающиеся к потолку завитки белого пара. Где-то в глубине камеры капала на пол вода. День был дождливый, и, как бы все ни старались, влага просачивалась повсюду.

Фалу придвинула стоящий в стороне стул ближе к решетке. Первый месяц она посылала кормить отца кого-нибудь из прислуги. Говорила себе, что слишком занята и на это нет времени. И у нее действительно было очень много дел – надо было разобраться в бумагах, кое-что продать, перераспределить средства, разослать письма. При нормальных условиях передача власти проходила бы постепенно и отец объяснил бы ей, что и как. Но все его самые преданные сторонники бежали, и Ранамы вынуждена была в одиночку восстанавливать порядок на острове. И потом, было еще Безосколочное меньшинство во главе с Джио. Фалу не знала, как строить с ними отношения после переворота. Джио желал ей смерти. Он хотел получить Нефилану для себя и Безосколочного меньшинства, чтобы все прошло так, как с Халутом. Фалу на посту губернатора не входила в его планы.

Отец ел и поглядывал на Фалу. В воздухе густо пахло маринованным луком и рыбным соусом. Он всегда был худощавым, но в темнице похудел еще больше, и одежда теперь у него была простая, так что в городе он не выделялся бы среди обычных прохожих. Фалу вспомнила, как в детстве смотрела на него снизу вверх, он был широкоплечим и высоким, как гора, а теперь он как будто усох и стал маленьким.

Съев половину лапши, он наконец подал голос:

– Я все еще твой отец. Скажи, что тебя беспокоит.

Неужели это так заметно?

Ранамы любила повторять, что у нее все эмоции на лице написаны.

Фалу сомневалась, стоит ли заводить этот разговор, а потом решила, что отец все равно в темнице и никому ничего не расскажет.

– У меня сегодня днем встреча с лидером Безосколочного меньшинства. Не могу сосредоточиться. Передо мной слишком много задач. Сделать так, чтобы безосколочные мирно покинули Нефилану – самая простая из них. Для того чтобы разгрести бардак с конструкциями и дать отпор безосколочным, у меня не хватает стражников. А если отправлю стражников патрулировать остров, останусь во дворце как голая.

Вознаграждение за конструкции – это была хорошая идея. Но у Фалу было предчувствие, что люди, в надежде получить вознаграждение, начнут охоту за конструкциями, с которыми не смогут справиться. С тех пор как Лин взошла на трон, на Нефилану уже случилось не одно нападение, и несколько человек погибли.

Отец Фалу поставил миску на пол.

– Встретишься с ними – признаешь их право на власть. Нефилану – твой остров, а не Джио.

– Вообще-то, – вздохнула Фалу, – остров принадлежит людям, а я просто управитель. Никто не может единолично владеть островом.

Отец сморщил нос и потянулся, как не могла не заметить Фалу, к кружке с водой, а не с вином.

Заглянул в кружку, как будто думал обнаружить там яд, и спросил:

– Ты действительно в это веришь?

– Я учусь. Какой смысл иметь власть, если не можешь использовать ее во благо людей? Фермеры, сироты, что живут по сточным канавам... они такие же люди, как ты и я.

Он отпил глоток воды и скривился:

– Если ты так настроилась помогать людям, почему бы тебе не помочь мне?

Это было главной причиной, по которой Фалу не хотела спускаться в темницу. Она знала, что отец попросит ее об этом. Каждый раз, когда она приносила ему еду, он так или иначе пытался внушить ей мысль, что она должна его освободить. И правда была в том, что она хотела его освободить. Это было хуже всего. Он был хорошим отцом, и Фалу все еще по-своему его любила. Но он был ужасным губернатором.

Она резко встала.

– Фалу! – окликнул ее отец.

Выдохнув, чтобы унять раздражение, она снова повернулась к отцу:

– Ты не изменился. Всякий раз, когда я к тебе прихожу, ты просишь о свободе. А как же все те люди, которых ты держал в этом подземелье? Те, которых ты казнил? Ты когда-нибудь прислушивался к их мольбам? Я обхожусь с тобой куда лучше, чем ты обходился с ними, а ты все еще думаешь, что ты не такой, как они. Те люди, которых ты обрек на смерть, – Фалу махнула рукой в сторону города, – у них были семьи. Друзья.

У него потемнели глаза.

– Они меня обкрадывали.

– А кто-то другой скажет, что это ты обкрадывал их. Что ты не имел права владеть землей, на которой они трудятся, только потому, что ты родился во дворце. Твое правление приносило людям страдания, отец. Что они скажут, если я тебя отпущу? Они скажут, что я не та, за кого они меня принимали. Они скажут, что я такая же, как ты.

Тут лицо у него дрогнуло, на нем вдруг появилось выражение искренней обиды.

Не дожидаясь ответа, Фалу вышла из сырого подвала и, шагая через ступеньку, поднялась в кухни, как будто вынырнула на воздух из затхлой воды.

Ранами стояла наверху лестницы. Едва взглянув в лицо, она обняла Фалу, и та, почувствовав, как жена прижимается щекой к ее груди, сразу расслабилась. Сердце Фалу перестало биться как сумасшедшее, знакомые запахи и звуки дворцовой кухни дарили чувство безопасности.

– Ты не должна продолжать туда спускаться, – тихо произнесла Ранами.

– Но он все еще мой отец, – сказала, отклонившись назад, Фалу. – Я должна проявлять к нему уважение, хотя бы навещая его. Я не хочу быть такой, как он, и не собираюсь притворяться, будто людей, которых по моему приказу держат в темницах, не существует. Если я что-то делаю, я за это отвечаю. – Она поджала губы и, немного подумав, спросила: – Если я иду на встречу с безосколочными, значит я признаю законность их движения?

Ранами взяла Фалу за руку, и они вышли из дворцовой кухни в прохладный зал. Сквозь щели в ставнях просачивался тусклый утренний свет.

– Любимая, тебе ничего не надо делать для их признания. Безосколочное меньшинство уже существует. Они обосновались на Халуте, обосновались здесь. Вот если бы они были на другом краю Империи... Но они на Нефилану и уже дважды пытались тебя убить.

– Я не уверена, что второе покушение – это их рук дело. Если это вообще было покушение.

Всего через несколько дней после того, как Фалу стала губернатором, на улице завязалась шумная потасовка как раз в тот момент, когда она там проходила. И кто-то попытался в суматохе пырнуть ее ножом.

– Поверь, я знаю, как они действуют. Это безосколочные. Они все подстроили. Ты уверена, что хочешь пойти на встречу?

Фалу уже оделась подобающим для важной встречи образом. В ее случае это означало, что она закрепила на плечах декоративную цепь и надела плащ, который был чуть меньше потрепан, чем тот, в котором она ходила каждый день. Кожаные доспехи были все те же, и меч на поясе тоже. Никто не собирался убеждать ее в том, что на встречу с Джио следует идти без оружия.

Фалу расправила плечи и подставила Ранам локоть:

– Лучше встретиться лицом к лицу, чем сидеть и ждать, когда они нанесут очередной удар.

Ранами надела капюшон и взяла ее под руку. Под плащом на ней было золотистое платье цвета куркумы, Фалу всегда считала, что этот цвет лучше всего оттеняет смуглую кожу подруги. Оно было короче, чем те, которые Ранами носила в сухой сезон, зато сапоги были высокие, до колен, чтобы уберечь ноги от грязи.

И так еще семь лет, с тоской подумала Фалу, когда они вышли из дворца.

Ранами крепче взяла ее под руку и сказала:

– Сухой сезон наступит, ты и оглянуться не успеешь, и мы с тобой на пару будем скучать по этим дождливым денечкам.

Получалось, что ее лицо выдавало не только эмоции, но и мысли. Да, из них не ей, а Ранами следовало родиться во дворце и стать политиком.

Когда они зашли под арку ворот, Ранами придержала ее за локоть и остановила:

– Пока не забыла, тебе пришло послание.

Она достала из сумки конверт из промасленной бумаги и протянула его Фалу.

Конверт был скреплен восковой печатью с изображением феникса.

– И что там? – спросила Фалу.

– Послание для тебя, его никто не вскрывал, а посланец не отчитался о его содержимом.

Фалу сломала печать, достала письмо и быстро пробежала глазами.

– Она запрашивает согласие на визит и просит не распространяться на эту тему, пока не будут проработаны все детали плавания.

Фалу легко могла представить, какой хаос начнется, если о планах императора узнают до того, как она лично сделает заявление. Одни откажутся воспринимать ее всерьез, другие решат, что визит императора – хорошая возможность совершить переворот или выслужиться перед ней. А губернаторы будут гадать, какие острова намерена посетить император, и станут соперничать за возможность оказаться на ее пути.

Когда в последний раз нога императора ступала на Нефилану? Этого Фалу не могла помнить. Ее отец не раз хвастливо рассказывал другим губернаторам о визите Шияна. Но это было до того, как он унаследовал от матери пост губернатора. Были времена, когда правящий император регулярно посещал острова и снисходил до общения с местными жителями. Но Шиян предпочел переложить эту работу на свои конструкции.

О новом императоре ходили разные слухи. Да, она отменила Праздники десятины, но какие мотивы ею двигали? Тут мнения у людей разделились. Она могла так поступить, потому что понимала, что Безосколочные сплотились в первую очередь именно из-за этих праздников. Или действительно считала, что их следует отменить?

Ранами по секрету сообщила Фалу, что тот контрабандист, которого Безосколочные послали шпионить за императором, назначен ею на пост капитана Императорской гвардии. Но никто из них не знал, почему император решила предложить ему этот пост.

– Ты примешь ее запрос на визит? – спросила Ранами.

Фалу сунула письмо обратно в конверт и опустила его в кошель на ремне.

– Давай обсудим это на обратном пути и все решим вместе. Ранами, ты моя жена и такой же губернатор Нефилану, как и я. И во многом даже лучше, чем я. Ты можешь открывать мои письма, я не возражаю, я полностью тебе доверяю.

Ранами так посмотрела на Фалу, что у той чуть сердце не растаяло.

– Я знаю. – Она еще теснее прильнула к Фалу. – Но другим это может не понравиться, и нам следует соблюдать этикет.

Фалу шагнула под дождь и рассмеялась, указывая на свои доспехи и меч:

– Если бы меня заботил этикет, во-первых, я бы не стала встречаться с лидером повстанцев, имея при себе послание от императора, а во-вторых, я бы разоделась в шелка и меня несли бы в паланкине. Можешь такое представить? Я в паланкине? Да я бы сломала спину бедняге Титусу. И в-третьих, я бы женилась на тебе намного, намного раньше.

Ранами улыбнулась, и Фалу показалось, что даже затянутое облаками небо стало светлее.

– Ну если бы ты немного чаще соблюдала этикет, тебе бы это определенно не повредило.

– Попыток хватало. – Фалу рассмеялась. – Сколько раз я тебе делала предложение? Сто?

Они поженились вскоре после того, как Фалу заняла пост губернатора. В тот день она забыла о том, что Безосколочное меньшинство желало ей смерти, о том, что ее отец сидел в темнице, о декларациях, которые надо было сделать, и о бесконечных ранах, которые следовало залечить. Тогда все это для нее исчезло и была только прекрасная Ранами в великолепном, вышитом золотом платье, ее слова и ее губы, когда они обменивались клятвами.

До свадьбы Фалу думала, что в такой день у нее будет тревожно на душе. Но нет, у нее было такое чувство, будто она корабль, который с наполненными ветром парусами возвращается в родной порт.

Они распахнули ворота дворца, и всех желающих щедро потчевали в кухнях. Фалу была бы счастлива, если бы они женились каждый день. Но, как не раз еще до свадьбы говорила Ранами, у нее есть обязательства и она должна их выполнять.

Они спускались по петляющей дороге к городу. Жидкая грязь чавкала под ногами. Путь к пониманию того, как сильно страдают люди под властью ее отца, был долгим. Только после того, как она влюбилась в Ранами, у нее открылись глаза и она увидела, что политика отца несправедлива, что он эксплуатирует людей, которыми правит, что он понятия не имеет, как живут фермеры или сироты в городе... Что она сама ничего об этом не знает.

Когда Фалу фехтовала с Титусом, она редко повторяла совершенную однажды ошибку. Теперь она надеялась, что править будет не хуже, чем фехтовать.

– Тяжело на душе? – спросила Ранами.

– Что? Нет.

– Да. У тебя такой взгляд, как будто ты где-то далеко, и ты хмуришься. А еще ты ступаешь очень тихо и руку положила на рукоять меча.

Проклятье, все так и есть. Фалу отпустила рукоять меча и позволила плащу снова его укрыть.

– Просто думаю... Я хочу стать лучше, чем он.

Ранами сразу поняла, кого имеет в виду Фалу.

– Ты уже лучше и успела сделать для людей много того, чего не делал он.

– И все же... он неплохой человек. Я знаю, его не волновало то, как живут люди Нефилану, и он бывал жестоким. Но он был хорошим отцом. Когда я захотела учиться фехтованию, он подобрал мне отличного учителя. Он никогда не пытался заставить меня делать то, чего мне не хочется. Да, он указывал мне на то, что я слишком уж много чего не хочу делать, но, думаю, он понимал, что я просто не из тех девушек, которые любят наряжаться в платья и принимать высокопоставленных гостей. Он был добр ко мне, а я отплатила ему тем, что заперла в темнице. – Фалу подняла ладонь и провела перед собой невидимую линию от плеча до плеча. –

Как думаешь, если бы существовала скользкая шкала добра, в какую ее часть можно было бы отнести мои действия? Я стараюсь поступать хорошо, но не знаю, как это выглядит со стороны.

– Никто из нас не знает.

– Это не очень-то обнадеживает.

Грязь сменилась брусчаткой. Влажный сезон изменил город. Теперь над первыми этажами зданий были построены свесы, а на каждом крыльце лежали щетки из щетины, чтобы счищать грязь с обуви. На узких улицах между окнами стоящих напротив домов делали мостки из бамбука, а уже на эти мостки укладывали пальмовые листья. Улицы от этого становились похожи на погруженные в полумрак тоннели.

Они прошли по улицам города всего ничего, а за ними уже увязалась целая вереница беспризорных сирот. Ранамы достала из кошелька несколько монет и бросила детям – это давно вошло у нее в привычку.

Ранамы немного сбилась с шага. Она всегда чувствовала, когда Фалу погружалась в безрадостные раздумья, но и Фалу всегда чувствовала, когда Ранамы начинала о чем-то тревожиться.

– Что такое? – спросила Фалу, когда они вышли на ведущую к руинам Аланги улицу.

– Нам следует что-то сделать с этими сиротами. Их так много. Они не должны побираться на улицах.

– Хочешь кого-то удочерить или усыновить? Всех мы все равно не сможем забрать.

– Это разные вопросы.

Ранамы уже заговаривала о том, чтобы взять ребенка, но они только поженились, а на Нефилану было столько нерешенных проблем, что у Фалу и без забот о двух маленьких детях было от чего хвататься за голову. Она всегда думала об усыновлении, но теперь, когда этот день уже маячил на горизонте, при мысли о своем ребенке ее одолевала тревога. Какая из нее мать? У кого ей было этому научиться? Отец был добрым, но ласковым и нежным его точно нельзя было назвать, а мать в жизни Фалу появлялась отрывками.

– Эти дети по ночам, если не находят себе укрытия, становятся очень уязвимыми, особенно перед непредсказуемыми конструкциями. Мы должны организовать для них какую-то защиту. У нас есть деньги, надо только правильно их перераспределить.

– Добавим это в наш список, – сказала Фалу.

После этого они замолчали. Список нерешенных дел и так не был коротким и, как они ни старались, похоже, с каждым днем только удлинялся. На исправление всех ошибок отца могло уйти несколько жизней. А нужно было управиться за одну, но всякий раз, глядя на список дел, Фалу понимала, что это маловероятно.

За городом дождь перешел в морось. Лес был полон звуков – пели птицы, квакали лягушки, капала просачивающаяся сквозь кроны деревьев влага. Цветы и разные другие растения, которые Фалу ни разу не видела за весь сухой сезон, проклевывались из-под земли, словно чувствовали, что настала пора, когда они смогут утолить свою жажду.

Фалу подумала, что у влажного сезона есть свои хорошие стороны и он по-своему даже прекрасен.

Но когда они зашли на территорию руин Аланги, мысли о красотах влажного сезона мгновенно улетучились из головы. Крыши здесь не было, только огрызки колонн разной высоты и полуразрушенные стены с пятнами давным-давно поблекшей краски.

– Мы пришли чуть раньше, – сказала Ранамы, – наверное, придется подождать.

Под дождем, добавила про себя Фалу. Вообще-то, дождь ей нравился, она даже получала от него удовольствие, но только когда наблюдала за ним из дома с кружкой горячего чая в руке. Она стряхнула холодную каплю с носа.

Из-за стен донеслось слабое эхо чьих-то голосов. Похоже, ждать им все-таки не придется. Но по мере приближения Фалу поняла, что в руинах уже проходит какая-то встреча, и, судя

по всему, проходит давно. Она уже собралась выйти на открытое пространство, но Ранами схватила ее за руку, а потом по очереди приложила палец к губам и ушам.

Фалу поблагодарила саму себя за то, что выбрала в жены женщину, которая обладала гибкостью и никогда не шла напролом, как она.

Один голос принадлежал Джио. Второй она не узнала.

– Значит, ты хочешь, чтобы Иоф Карн прекратили контрабандные поставки орехов каро на Императорский и ближайšie к нему острова. И чего ради? Чтобы я стал беднее?

– Ты уже очень богат, – сказал Джио. – И ты тоже хочешь сбросить ее с престола. Ее отец позволял тебе снимать сливки с его прибылей только потому, что был занят и у него не доходили до тебя руки. Его дочь – другое дело. Она хочет все изменить, хочет доказать, что она не такая, как отец. Считай, что это будет твое вложение в собственное будущее. Думаешь, она позволит Иоф Карн беспрепятственно вести свои дела, как прежде?

– У нее не будет выбора.

– Не будь таким самонадеянным, – грубо сказал Джио.

Его собеседник тяжело вздохнул:

– Это кто из нас самонадеянный? Ты хочешь свергнуть режим, а я всего лишь хочу извлечь из этого выгоду. Вот я и спрашиваю: что мне с этого? Я сейчас не о каких-то там вложениях. Ты позвал меня сюда, так будь добр, скажи, как собираешься со мной расплатиться.

Недолгая пауза.

– Я слышал, ты всегда хотел совершить налет на какой-нибудь монастырь. Ягоды и кора дымчатого можжевельника будут немалой прибавкой к твоей коллекции. Скажу аккуратно – с их помощью ты сможешь расширить границы своего влияния.

– То, чего я хочу, ни для кого не секрет. Но сделай одолжение, скажи, как это относится к делу?

Фалу задержала дыхание. Джио разговаривал с кем-то из Иоф Карн. Хорошо, что Ранами ее остановила. Еще больше усложнять отношения с Безосколочным меньшинством им точно ни к чему. Но с другой стороны, Джио не особо скрывал от нее, каковы его цели, так что, возможно, ему было бы плевать, если бы она вдруг вышла из укрытия.

– Для нападения на монастырь тебе необязательно идти в лобовую атаку. Стены монастырей высокие, а сами монахи всегда готовы отразить нападение. Они используют кору и ягоды дымчатого можжевельника, так что у людей Иоф Карн против них нет шансов. Но о чем люди не знают, так это о том, что у монастырей всегда есть черный ход.

– Говори яснее, приятель. Что именно ты мне предлагаешь?

– На острове к востоку от Нефилану есть монастырь, в котором ухаживают за дымчатым можжевельником. Я знаю, как в него проникнуть с черного хода. Ты прекращаешь контрабандную торговлю орехами, а я нарисую тебе карту. Вот что я предлагаю.

– И где ты раздобыл эту информацию?

– Я защищаю свои источники.

Какое-то время оба молчали.

Фалу очень хотелось почесать нос, но она удержалась, опасаясь, что плащ заскрипит слишком громко.

– Хорошо. Я прекращаю контрабандную торговлю поблизости от Императорского, а ты отдаешь мне карту.

– Договорились.

Ранами взяла Фалу за руку и заставила сесть на корточки за ближайшей стеной.

Человек Иоф Карн вышел из помещения, где только что встречался с Джио. Невысокий, молодой, черные волосы зачесаны назад. Он даже не озаботился тем, чтобы накинуть капюшон. Фалу его не узнала, но она на это и не рассчитывала – Иоф Карн всегда держались сами по себе.

– Подождем еще немного, – шепнула Ранами, и Фалу вздрогнула, почувствовав на щеке ее теплое дыхание.

Ей не терпелось обсудить подслушанный разговор, но она понимала, что сделать это будет можно только после встречи с Джио.

Они сидели на корточках в мокрой траве и ждали, пока стихнут шаги человека Иоф Карн, а Джио перейдет в другую комнату. Спустя еще какое-то время они встали, Ранами снова взяла Фалу за руку, и они прошли под наполовину обвалившейся аркой на условленное место встречи.

Джио был один.

Это несколько удивило Фалу. Она ожидала, что его будет сопровождать хотя бы один безосколочный. Она-то пришла с Ранами, и получалось, что их двое против одного. Если сразу атаковать Джио, он вряд ли сможет отбиться. Да, у него за поясом два длинных кинжала, но он был намного ниже Фалу и намного старше, так что у нее было два преимущества – дистанция и энергия.

Почему бы не положить конец этому конфликту прямо сейчас?

Нет, надо перестать рассматривать каждую встречу с противником как потенциальную силовую схватку. Даже если этот противник уже пытался тебя убить. Даже если он планирует предпринять еще одну такую попытку. Если она убьет Джио сейчас, ей все равно придется разбираться с другими безосколочными. Они выберут себе нового лидера и станут искать отмщения.

Лучше иметь дело со знакомой сущностью, чем с неизвестной. Так, кажется, гласит мудрость Нингсу?

– Спасибо, что пришла. – Джио в знак приветствия приложил ладонь к сердцу.

Ранами гневно смотрела на Джио.

Фалу поняла, что не может найти в душе такое же количество злости, но приветствие все-таки пропустила.

– Не стану притворяться, будто не знаю, какие у тебя планы на мой счет, – сказала она. – В качестве губернатора я тебе не нужна, скорее ты бы предпочел, чтобы меня убили.

Фалу чувствовала на себе взгляд Ранами, видела боковым зрением, как Ранами шепчет ей что-то одними губами. Но она не могла, как другие политики, говорить одно, а думать другое. Если уж не умеешь притворяться, говори прямо.

Джио развел руки в стороны:

– Я бы принес тебе свои извинения, но такова цель Безосколочного меньшинства. Мы намерены создать Совет представителей, который и будет править островами. Не император и не губернаторы, а Совет – правители, выбранные людьми, а не ставшие таковыми по рождению.

Все просто – она помеха на их пути.

– Тогда зачем ты позвал нас сюда?

– Хочу предложить временное перемирие. Ты пытаешься навести порядок на Нефилану и укрепить свою власть. Я пытаюсь расширить присутствие Безосколочного меньшинства в Империи. На данный момент нам ни к чему драться друг с другом. Мы можем сосуществовать мирно и на вполне определенных условиях.

Ну конечно, условия.

– На каких? Мы должны позволить вам слоняться по всему Нефилану?

– Конечно нет. Мы останемся в наших пещерах и будем обходить стороной ваши поселения. Мы не станем вмешиваться в твои дела. А я, понятное дело, прошу тебя не сдавать нас императору.

Письмо в кошельке Фалу сразу стало тяжелым, как камень, и теперь уже она не могла перестать о нем думать.

– Это все?

– Еще одно. Ты остановишь поставки орехов каро на Императорский и на ближайшие к нему острова. Я знаю, твой отец сумел хорошенько набить свою казну, так что ты сможешь какую-то часть влажного сезона обходиться без прибыли от торговли орехами. Я намереваюсь вынудить императора отречься от престола. Ее власть очень шаткая. Ее никто не знает. Если она не заручится поддержкой губернаторов, Империя начнет разваливаться, каждый остров будет сам за себя. С наступлением влажного сезона всем до зарезу нужно масло орехов каро. Если губернаторы его не получают, они станут обвинять в этом императора. Безосколочные близки к цели. Если удастся вынудить ее отречься, наши позиции усилятся и мы выступим с предложением о создании Совета представителей. Мы собираем армию на Халуте, и тех губернаторов, которые не согласятся с нашим предложением, мы додавим силой. Мы все слишком тесно связаны друг с другом, так что без централизованной силы, которая будет принимать решения, нам не обойтись. Губернаторы могут этого и не понимать, но я хорошо понимаю. Только я не хочу быть императором. Я хочу, чтобы мы сами устанавливали правила, по которым будем жить.

Теперь Фалу почувствовала себя глупо из-за того, что пряталась, пока Джио встречался с человеком Иоф Карн. Естественно, ему было бы все равно, если бы она вдруг объявилась посреди их разговора, ведь от Иоф Карн он хотел того же.

Фалу встретила с Ранамид взглядом и прочитала в ее глазах предостережение. О чем она хотела ее предостеречь?

Фалу снова посмотрела на Джио, который ожидал ее ответа. Ну конечно: на кого переключится Джио, после того как с императором будет покончено?

– Значит, ты собираешься избавиться от губернаторов. Я – губернатор. И где я окажусь в результате этой твоей комбинации?

– Как я уже сказал – перемирие временное. Может так случиться, что мы найдем тебе применение в новом правительстве. Или сделаем что-то вроде исключения для Нефилану.

«Интересно, – подумала Фалу, – мое неверие тоже легко читается по лицу?»

Впрочем, это вряд ли имело значение. У нее было всего два варианта, и Джио это знал. Либо она соглашается на временное перемирие и продолжает укреплять свои позиции на Нефилану, либо вступает в конфликт с Безосколочным меньшинством, когда ее власть на острове еще слаба, а список проблем все никак не сокращается.

– Ранамид, – сказал Джио, видимо решив сыграть на ее чувствах, – это было нашей целью, когда ты к нам присоединилась. Я знаю, что ты тоже этого хочешь.

– Так было до того, как ты попытался убить женщину, которую я люблю, – ответила Ранамид. – Ты говоришь, что перемирие возможно при определенных условиях. Но это неравные условия. Ты просишь нас выполнить твои требования, а если мы их не выполним, ты ее убьешь. Это не перемирие, это угроза.

– Я принимаю твои условия, – сказала Фалу, пока Ранамид не наговорила чего похуже. – Если замечу хоть малейший признак того, что ты нарушил свою часть договора... я знаю, где твое логово. Вся моя стража выступит против тебя, и я не замедлю передать императору все, что мне о тебе известно.

На самом деле это была ничем не подкреплённая ответная угроза. У Фалу имелось не так уж много стражников, а у Джио на Халуте была самая настоящая армия безосколочных. Император занята решением проблем с конструкциями. Пока она с ними разберется и пошлет своих солдат на Нефилану, Джио со своими людьми уже уберется с острова.

– Согласен.

Фалу резко развернулась. Ей вдруг стало невыносимо душно среди этих стен с вырезанными лианами, хранящими память о цивилизации, которая давным-давно перестала существовать. Никто не осмеливался об этом заговорить, разве только шепотом, но у Фалу тоже как иголками покалывало мозг от этого вопроса без ответа. Может ли вернуться Аланга? Она

распорядилась, чтобы разрушили фонтан, а теперь начала сомневаться в правильности своего решения. Может, следовало оставить все как было, чтобы ей могли докладывать – открылись снова глаза или по-прежнему закрыты. Но она ведь не знала, какая магия может скрываться в камнях фонтана, и не могла быть уверена, что фонтан не построен специально для вызова Аланги.

Ранами пришлось ускорить шаг, чтобы с ней поравняться.

– Это глупо, нельзя договариваться на его условиях, – вполголоса сказала она, когда они выходили из руин.

– Знаю, но вариантов лучше этого у меня просто нет.

– Итак, – сказала Ранами, когда они уже шли по дороге, – император желает посетить нас, а у нас тут Джио, который замышляет свергнуть режим.

– Добро пожаловать на свадьбу губернатора! Я понимаю, почему ты так долго тянула с ответом.

Ранами взяла ее за руку и привлекла к себе. Дождь вокруг них снова припустил, но они под своими плащами с капюшонами были словно на сухом острове.

– Что ты делаешь? – спросила Фалу.

– Это, – ответила Ранами и, притянув к себе Фалу, поцеловала ее в губы.

Поцелуй сначала был мягким, потом стал более настойчивым, руки Ранами скользнули под плащ Фалу и остановились на ее груди, вернее, на кожаной тунике, которая защищала ее грудь. И зачем она надела доспехи? Теперь это решение казалось просто глупым.

– Я ни о чем не жалею, – сказала Ранами после поцелуя, – и никогда не жалела.

– Жалеешь? – Фалу потеряла нить разговора и не сразу смогла вернуться в реальность. – А, да, я тоже. То есть, как тебя встретила, мне и в голову не приходило, что я когда-нибудь об этом пожалею. Поэтому я и не переставала делать тебе предложение.

Ранами рассмеялась и чмокнула ее в кончик носа.

– И спасибо тебе за это, – сказала она, а потом уже серьезно добавила: – Император. Ты считаешь, нам следует принять ее запрос? Ты хочешь этого?

Фалу взяла Ранами за руку и подумала о том, как надежно сплетаются их пальцы.

– Я не такая, как мой отец. Что, если и Лин не такая, как прошлый император? Думаю, нам как минимум следует ее выслушать.

Лес постепенно поредел и перешел в городские предместья. Они зашли в тень крытой пальмовыми листьями улицы, торговец свалил на сковороду несколько приправленных травами рыбин. Громко зашипело масло.

– А что будем делать с поставками орехов? – спросила Ранами.

– Приостановим, как и договорились. Мы ведь не знаем, какая она, этот новый император. Возможно, нам тоже будет выгодно, чтобы она как можно быстрее ушла в отставку. Я пока еще не уверена, справедливо ли...

В Фалу на бегу врезалась маленькая чумазая фигурка ребенка. Она успела только увидеть темные, широко открытые глаза, и девочка понеслась дальше. Фалу инстинктивно попыталась понять, от кого убегала девочка, но на улице было спокойно, никто из прохожих даже не посмотрел в их сторону.

– Она сорвала твой кошелек, – сказала Ранами.

Фалу схватилась за пояс – кошелек действительно пропал.

Послание от императора.

10 Лин

Императорский остров

Дождь стучал по палубе у меня над головой. Я наблюдала за спускающимися по трапу слугами. С их капюшонов, с бровей и бород стекала дождевая вода. Погода определенно не благоприятствовала началу нашего похода по островам. Морские змеи во влажный сезон нагледуют, впрочем, в этот год еще не приходило вестей о появлении слишком уж больших тварей. В основном говорили о мелких, размером с акулу, которые досаждали небольшим рыбацким лодкам, похищали улов и оставляли рыбаков с рваными ранами на руках. Никакого Мэфисоло, который мог бы стать угрозой для города, но мелкие змеи все же могли причинить беспокойство такому кораблю, как наш.

В глубине души меня тянуло к островам на северо-востоке, где я бы могла встать между конструкциями и моими людьми. Но я единственная в Империи владела магией осколков кости, и у меня было слишком много противников, с кем предстояло схватиться в одиночку.

Армия отца разбросана по островам и по большей части опирается на его конструкции. Надо как можно быстрее начать вербовку в армию, но боевая подготовка новобранцев займет много времени. У каждого губернатора есть стража, и, если получится убедить самых влиятельных прислать своих стражников, я сумею остановить конструкции, прежде чем они найдут слишком далеко.

Икануй с дымящейся чашкой чая в руках сидела напротив меня за столом в кают-компании. Она разложила перед собой свои бумаги, а справа поставила счеты.

– Ваш отец был весьма плодовит, – сказала она, сверившись со своими записями. – Если убрать конструкции, которые учитывал в своих расчетах Главный Чиновник, конструкция вашего отца, Мауга, остается приблизительно восемь тысяч конструкций Воин и пять тысяч конструкций Чиновник, разбросанных по всей Империи. О количестве конструкций Лазутчик сведений найти не удалось.

А сколько было неудавшихся экспериментов? Сколько людей было убито, чтобы потом собрать конструкции из их частей? Найти ответы на эти вопросы Икануй не смогла.

– Это намного больше, чем я ожидала, – призналась я.

Икануй снова сверилась со своими записями.

– Ну, какое-то количество он унаследовал от своего отца или от матери. Были времена, еще до их смерти, когда можно было изменить команды. Эту задачу в основном решали Чиновники. И в последнее время ваш отец был занят тем, что устранял поломки конструкций. Новые он не создавал.

Я взяла с тарелки кусок рыбы и передала Тране, которая сидела рядом со мной в торце стола. Она, естественно, была благодарна.

– Я не о том, как они были созданы, а о том, что их слишком много. Наша армия насчитывает несколько тысяч солдат. Надо рекрутировать и подготовить как можно больше людей, и сделать это как можно быстрее. Я знаю, что конструкции могут и не быть связаны между собой, но надо учитывать, что и Чиновники, и Торговцы умеют сражаться.

Икануй отпила глоток чая, поморщилась и поставила чашку на стол.

– Все не так плохо, как может показаться. Некоторые конструкции после смерти вашего отца растерялись и впали в отчаяние. Некоторых убили солдаты или фермеры. Некоторые поубивали друг друга. Тут у меня нет точных цифр.

Мимо нас прошли стражники, они спускали в трюм украшенные резьбой сундуки. В этих сундуках были осколки костей, которые я хотела в порядке жеста доброй воли вернуть обратно на острова.

Я подняла чашку с чаем:

– Но это и вправду плохо.

– Даже если хотя бы часть оставшихся конструкций организовались, они смогут захватить еще больше территорий и начнут терроризировать наших людей.

Я выдохнула пар горячего чая:

– И это пошатнет мой трон.

Генеральское звание раньше носил Тиранг – конструкция Воин, но теперь я повысила и поставила на его должность одну из моих командиров, Иешан. Она закончила академию на Хуалин-Оре, и только по окончании академии стало понятно, что она – настоящий стратег.

– Я попросила Иешан послать четверть наших фаланг в северо-восточные области Империи. Несколько останутся, чтобы подготовить новобранцев, остальные будут посменно патрулировать острова и оказывать помощь, где она потребуется. Конструкции на северо-востоке – реальная проблема, но мы не знаем, где еще они могли organizоваться и откуда могут нанести удар. Нельзя терять бдительность.

– Четверть, – сказала Икануй, глянув на меня, после того как отпила глоток чая.

Я никак не среагировала – у меня уже был опыт такого рода разговоров с Иешан.

Из северо-восточных областей приходили разные вести, и все они больше походили на байки рыбаков. Прислушайся к одним, так недовольных всего несколько сотен, к другим – их орды, которым несть числа. И нельзя было забывать о малонаселенных островах.

Конструкции отца рассеяны по всей Империи. Если я пошлю большую часть своей армии на северо-восток, то оголю оставшуюся часть Империи, и тогда одного нападения на Рию будет достаточно, чтобы все губернаторы выступили за мою отставку.

– Если дело дойдет до этого, – сказал кто-то у меня за спиной, – северо-восточные острова станут приемлемой потерей.

Краем глаза я увидела Мэфи, который впереди своего хозяина вошел в кают-кампанию и, приняв себя, напрямик направился в кухню. Крепко сжимая рукоять своей трости, Йовис свободной рукой стряхнул капли воды с плеч, и они упали на бумаги с записями Икануй.

– Я этого не говорила, – спокойно заметила я.

– Не говорила, но подразумевала. Как бы то ни было, конструкции на северо-востоке уже организовались. Наша армия на данный момент малочисленна. Если пошлешь четверть, этого может оказаться недостаточно.

– Ты капитан Императорской гвардии или мой генерал?

Йовис чуть склонил голову набок:

– В определенных ситуациях я просто тот, кому не все равно.

– И тот, кто понимает, что я ради Империи должна принимать сложные решения.

Тут я почувствовала, как жар поднялся к щекам, но чай не имел к этому никакому отношению.

– Ты говорила, что я должен быть честен с тобой.

Меня злила эта ситуация, когда я сидела, а он стоял, и мне, чтобы смотреть ему в глаза, приходилось задираť голову. Капли дождя стекали по его скулам и по носу. Под моим взглядом он переступил с ноги на ногу, это уже было приятно, но взгляда не отвел.

Реакция Баяна всегда была сродни реакции раненого зверя, который при малейшем намеке на угрозу готов нанести ответный удар. Йовис был иным; если сравнивать со зверем, он скорее был весь покрыт шрамами, но держался при этом достойно.

Я просила его быть честным со мной? Да, просила. Но когда он упомянул об этом в присутствии моего управителя, я разозлилась еще больше.

У меня загудели кости. На корабле было слишком много людей, так что пришлось даже стиснуть зубы, чтобы не топнуть ногой и не дать этой энергии вырваться наружу.

– То есть ты находишь мое решение неправильным?

Йовис нахмурился, а потом как будто вдруг вспомнил, с кем разговаривает, и склонил голову. Его длинные черные ресницы подрагивали возле щек. Я пожалела о том, что была излишне резка с капитаном своей гвардии.

– Я лишь подумал, что люди из северо-восточных областей заслуживают большей заботы, – сказал Йовис так отчетливо, что сразу стало понятно: он не отступил ни на шаг.

Икануй шелкала счетами и старалась не смотреть в нашу сторону.

– То есть заслуживают лучшего императора, чем я?

Йовис открыл было рот, чтобы ответить, но тут из кухни скачками выбежал Мэфи с каким-то металлическим предметом в зубах. Йовис переключил внимание на своего питомца.

– Эй, мы ведь это уже обсуждали, разве нет? – Он обошел стол и, присев на корточки, вытащил изо рта у Мэфи половник. – Ты не должен брать чужое.

– А никто не сказал, что это его, – возразил Мэфи.

– Никто не сказал, что это твое, – уточнил Йовис.

Трана облизала лапу и провела ею по уху, как бы говоря мне: «Хорошо, что я другая, да?»

Я почесала ее за рогами и для поощрения отдала оставшуюся половину пирога с зеленым луком. По сравнению с Мэфи она, может, и была чересчур робкой, но робость в ее случае не самое плохое качество.

Йовис отнес половник в кухню, но, вместо того чтобы отправиться в свою каюту или проверить, как загружаются на корабль сопровождавшие нас стражники, вернулся в кают-компанию и встал рядом со мной.

С чего бы это? Опасается нового покушения? Здесь? На корабле?

Я недовольно глянула на него, а он просто пожал плечами и спросил:

– Значит, первым островом будет Рия?

Икануй перестала шелкать счетами и посмотрела на меня. Я еще не объяснила ни ей, ни Йовису, почему мой выбор пал именно на эти четыре острова. Сборы в плавание, чтение и еще загадка белого меча – все это отбирало время и энергию, в общем, мне было просто не до того.

– Да. Рия – один из самых больших островов Империи, и теперь, когда мы потеряли Голову Оленя, именно там самая богатая шахта умных камней. Если я получу поддержку губернатора и жителей Рии, Империя будет на годы вперед обеспечена умными камнями и торговля, соответственно, будет процветать. После Рии – на Нефилану.

– Мелкий островок! – Йовис скривился.

Я не поняла, почему именно размер Нефилану вызвал у него такое неприятие, ведь он сам был родом с небольшого острова.

– Да, он невелик и во время сухого сезона, прямо скажем, незначителен. Но именно на Нефилану выращивают большую часть орехов каро, а без них во влажный сезон, когда начинаются вспышки болотного кашля, нам точно не обойтись. Влажный сезон только-только начался, а мне уже пришли послания о том, что зараза начинает расползаться. Надо обеспечить бесперебойные поставки орехов на острова, так мы сможем свести к минимуму наши потери от болотного кашля.

– А потом на Хуалин-Ор.

Тут у меня защекотало в желудке. Хуалин-Ор – родной остров Нисонг, женщины, которую я считала своей матерью. Но нет, отец создал меня из частей разных людей, которые были на нее похожи. У кого-то был почти такой же нос, у кого-то – подбородок. Остальное он выращивал в жидкости в той пещере-лаборатории под дворцом.

– Хуалин-Ор – остров с богатой историей, почти такой же, как у Императорского. Это центр культуры и искусств. Если заручимся его поддержкой, обретем признание всех граждан Империи.

– А за ним – Гэлунг, – сказал Йовис, постукивая пальцами по рукояти трости, и сморщил нос так, будто учуял запах конструкций. – Северо-восток.

– Да. Гэлунг. Земледельческий рай. Его земли обширны, а почвы разнообразны, так что там можно снимать урожай, которого хватит едва ли не на всю Империю. Мы можем потерять Гэлунг, но тогда мы потеряем еду, которую так любим. Почему так ценился рыбный суп на Голове Оленя? Из-за специй. А эти специи выращивают на Гэлунге. Мы, естественно, выживем, если будем питаться рисом, свининой и капустой, но наша кухня определенно обеднеет без специй с Гэлунга. Нам нужен этот остров. Иешан тем временем наберет и подготовит солдат. Когда закончим с визитами, решим, где и в каком количестве их лучше разместить, и подумаем о том, насколько серьезна угроза.

Икануй быстро сделала еще несколько расчетов.

– Подозреваю, что к моменту возвращения вам потребуется больше, чем несколько фаланг подготовленных солдат.

– Я уже разослала губернаторам письма с просьбой о поддержке. Если они отправят нам своих стражников, мы сможем достаточно быстро усилить свои позиции.

– И вы получили ответы? – спросила Икануй.

– Пока нет, – призналась я. – Но на данный момент это лучшее, что мы можем предпринять.

Губернаторы мелких островов выжидали, не хотели ничего решать, пока не поймут, как поведут себя самые влиятельные.

Я посмотрела в иллюминатор. Потоки ливня заслоняли солнечный свет. Я не смогла найти конструкцию Лазутчик, которая ускользнула от нас с Йовисом. Да и глупо было на это надеяться. Но я все равно послала слуг на ее поиски.

Если бы у меня была моя Хао или еще какая конструкция...

Но я поклялась, что с конструкциями покончено. Больше никаких мелких конструкций Лазутчик в городе, которые приносят свои доносы в логово монстра под дворцом. Кроме того, я уже начала укреплять свои позиции.

А если бы отец завершил создание собственной копии? Напичкал бы ее своими воспоминаниями и спрятал их на случай своей гибели? Я попыталась представить, к чему это могло бы привести. Две воюющих стороны. Расколовшаяся Империя. И всегда будут страдать люди, такие как Нумин и его семья.

Надо было решать насущные задачи, а не ломать голову над тем, что было бы, если бы отец успешно завершил свои опыты.

Икануй положила перед собой связку посланий, а рядом свои записи.

– У меня есть ответы на послания, которые вы разослали в самом начале своего правления. – Она мельком глянула на Йовиса и спросила: – Мне продолжать?

Я махнула рукой – тут, кроме слухов, ничего не было.

Большая часть писем касалась событий местного значения, которые нельзя было назвать такими уж важными. Конструкции напали на жителей острова, жители острова напали на конструкции. Подземные толчки на островах, но ничего подобного тому, что случилось с Головой Оленя.

Отчитываясь, Икануй одно за другим передавала мне послания с островов. А потом настала очередь последних двух.

– Поставки орехов каро с Нефилану отложены. Наш посланец не знает, в чем причина и что там вообще происходит. У них там все вверх дном.

Я порылась в собственной памяти. Да, было письмо о смене губернатора.

– Помню, губернатор ушел в отставку и его место заняла дочь.

Икануй несколько удивленно на меня посмотрела:

– Это история для всех. Те, кто в курсе событий, знают, что на Нефилану был переворот. Прошлый губернатор выжимал из жителей все соки, а сам вел роскошный образ жизни. У него есть дочь, рожденная от простолюдинки, и, судя по всему, люди Нефилану возлагают на нее большие надежды. А самого губернатора силой вынудили сложить полномочия.

Я хотела спросить Икануй, жив ли губернатор, но, если бы дочь его убила, она бы обязательно об этом упомянула. Скорее всего, дочь отослала губернатора подальше от дворца или поселила в какие-нибудь более скромные комнаты. От сходства с моей ситуацией мне стало не по себе, я даже встряхнулась, чтобы не думать об этом.

– Тогда тем более имеет смысл нанести им визит. Посмотрим, что там и как, и убедимся, что с поставками орехов все в порядке. И последнее?

Икануй развернула письмо:

– Посланица посетила несколько островов архипелага Сеть Хироны и обнаружила повторяющуюся тревожную картину...

Икануй снова мельком глянула на Йовиса и умолкла.

– Конструкции переходят в наступление?

– Нет. – Икануй передала мне письмо. – Артефакты на островах. Артефакты Аланги. Они оживают.

11

Ранами

Остров Нефилану

Можно было догадаться: девочка что-то украла.

Ранами сама была сиротой. В детстве она жила в сточных канавах и хорошо знала, что беспризорные дети просто так на улице ни на кого не налетают. Но видимо, жизнь во дворце притупила ее реакцию.

Фалу помчалась за девочкой.

Ранами, повинувшись инстинктам, нырнула в переулок. Этот район города она знала так же хорошо, как все линии и мозоли на ладонях Фалу. Уличные торговцы послужат препятствием как для девочки, так и для Фалу, а вот переулок свободен. Ранами одним прыжком преодолела лестницу с раскрошившимися каменными ступенями, пригнувшись, пробежала под слишком низким навесом из пальмовых листьев и, отодвинув засов, проскользнула в ворота.

Кто-то закричал из окна, что она не имеет права бегать по чужим дворам, но Ранами пропустила эти крики мимо ушей. Свернула, едва не поскользнувшись на мокрой мостовой, за угол и оказалась прямо перед девочкой-беспризорницей. Девочка резко остановилась и, как загнанный зверек, посмотрела по сторонам. Ранами приготовилась к решающему прыжку, но этого не потребовалось – за спиной девочки появилась Фалу и тут же крепко схватила ее за плечи.

Девочка извивалась и дергалась, как рыба, которая пытается сорваться с крючка, но хватка Фалу была крепкой, как у ястреба с его когтями.

– Я просто хочу вернуть вот это. – Фалу протянула руку к кошельку.

Девочка дернулась еще пару раз и затихла. От бега у нее срывалось дыхание. Фалу начала разжимать ее пальцы, чтобы отобрать украденный кошелек, но еще до того, как она его забрала, девочка обмякла и стала падать. Ранами метнулась вперед и подхватила с земли кошелек.

– Похоже, она в обмороке, – сказала Фалу, поддерживая девочку под руки.

У Ранами мелькнула мысль, что девочка просто притворяется, чтобы убежать, но, приглядевшись, она поняла, что Фалу права. Девочка была чумазой и маленькой, но старше, чем могло показаться с первого взгляда. Черные волосы спутаны, из-под рваной одежды выпирают ребра, и левая рука без кисти.

– Деньги, наверное, хотела украсть, – предположила Ранами.

У Фалу в кошельке на поясе вместе с письмом от императора были и монеты.

– Чуть, – сказала Фалу. – Я же им подала.

– Может, не хватило? Смотри, она ведь слишком мелкая для своих лет. Беспризорные дети часто отбирают добычу у тех, кто слабее и мельче. Жизнь у них не сладкая.

Фалу молча закинула девочку на плечо.

– Ты что делаешь? – спросила Ранами.

– Я? Собираюсь унести ее отсюда. Не волнуйся, мы ее не удочеряем, но она вроде как не особенно хорошо себя чувствует. Как-то неправильно оставлять ее лежать посреди улицы. Ты же хотела помогать бездомным сиротам, можем начать с этой.

Вообще-то, Ранами не совсем это имела в виду, но она видела, что и Фалу это понимает. Спорить было глупо, – действительно, нельзя же оставить девочку без сознания на улице: раз уж она упала в обморок прямо перед ними, теперь им за нее и отвечать. Вот так это и бывает.

Несмотря на все логические доводы Фалу, Ранами было как-то тревожно. Девочка хотела украсть деньги или ее кто-то навел на Фалу? Все вроде бы произошло случайно, но Ранами хорошо помнила, что ей в детстве приходилось делать, чтобы раздобыть хоть кусок хлеба. Она

бы никогда не предала Халонга, он был для нее почти как семья – у большинства сирот из сточных канав есть что-то вроде кодекса чести, – но те, у кого толстый кошелек, для беспризорных детей всегда цель для охоты. Только повзрослев и более или менее встав на ноги, она начала понемногу доверять людям.

– Она на бегу могла услышать, что у тебя в кошельке осталось совсем мало монет, – сказала Ранами. – Почему не выкинула его, когда ты за ней погналась?

Мостовая закончилась, дальше они шли по раскисшей от дождя земле и постепенно начали подниматься по серпантину в гору.

– А ты что обо всем этом думаешь? – спросила Фалу.

– Ее могли подослать, чтобы выкрасть послание от императора, – не скрывая своей тревоги, ответила Ранами.

– Как-то слишком уж притянута за уши. – Фалу пожала плечами.

– Посланца императора могли заметить на пути во дворец, – напомнила Ранами. – Если мы не видели конструкций Лазутчик, кроме той одной, это еще не значит, что их у нас тут нет. Хорошо, мы забираем эту девочку во дворец, но ее обморок может быть и притворным.

Фалу на ходу посмотрела на Ранами. По ее взгляду было件нятно, что она не просто удивлена, а ей даже неприятно это слышать.

– Какая-то слишком уж из нее даровитая притворщица. Видно же, что она от голода такая слабая.

– Все сироты, что живут по канавам, недоедают.

– Ну да, хочешь сказать, что она хотела есть, увидела возможность украсть немного денег и бросилась срывать мой кошелек. Только не ожидала, что за ней погонятся, да еще так, как мы с тобой. А потом еще так брыкалась. Эта-то малявка? Представляю, как она выдохлась. Вот тебе и результат.

Они поднимались в гору, Ранами приподнимала юбку, чтобы не замочить ее в ручейках и лужах, и завидовала Фалу, которая была намного выше и ноги у нее, соответственно, были длиннее.

На очередном повороте Фалу откашлялась и спросила:

– Слушай, когда мы закончим с удочерением, ты так и будешь стоять на своем? Ведь ребенок, которого мы возьмем, будет жить во дворце?

Ранами не знала, что ответить. Когда она думала об удочерении или усыновлении сирот из сточных канав, ее волновало одно – каждый из этих детей, как и она когда-то, нуждается в еде и теплом месте, где можно переночевать и услышать хоть от кого-то доброе слово.

Но ей было легко посмотреть на эту картину с другой стороны. Просто представить себя на месте некоего благотворителя, который взял в дом незнакомого ребенка с улицы. То есть домом сироты станет дворец, полный ценных вещей и секретов.

– Да, все не так просто, – сказала Ранами.

– Насколько я помню, ты доверяла фермерам, которые воровали ящики с орехами каро...

– Да, но... – Как это объяснить? – Халонг доверял фермерам, я доверяла Халонгу. Одно за другое – это долгий путь. И признаюсь, я тогда пыталась что-то доказать тебе, а еще я злилась.

Фалу задумалась, желваки у нее ходили ходуном, как будто она пережевывала слова для ответа.

– Ты хочешь взять в семью сирот не ради желания иметь детей?

Этот вопрос для Ранами был как шквал ветра, она еле устояла под его напором. Сапоги увязли в грязи. Это правда? Она всегда думала, что если они с Фалу станут жить вместе, то неминуемо возьмут ребенка. Это логично, учитывая, что у губернатора должен быть наследник. Теперь нужно было прокрутить это все в голове. Они берут к себе сироту, о которой ничего не знают. Девочка будет жить с ними, они будут ее учить, может, даже полюбят... Спра-

вится ли она со всем этим? Какая из нее мать? Она вообще не знает, что это – быть матерью. Отец у нее, понятное дело, был, но о женщине, которая была ее матерью, она практически ничего не помнила. Улицы, такие же сироты, как она, постоянное чувство голода и желание что-нибудь украсть – это все ее детские воспоминания. Халонга она могла бы назвать своим братом, но они встретились, когда оба уже были подростками.

Ранами остановилась и, почти не слыша своего голоса за шумом дождя, призналась:

– Не уверена, что знаю, что такое семья. А ты знаешь?

Фалу развернулась и посмотрела ей в глаза.

– Мой отец был хорошим родителем. Он любил меня по-своему. И мать тоже. Но я хочу лучшего для наших будущих детей. Если мой отец был хорошим родителем, ты точно сможешь стать лучше его. Да, ты бываешь жесткой, но я точно знаю, что под этой вроде бы жесткой оболочкой бьется самое отзывчивое сердце. Любой ребенок будет счастлив, если почувствует хотя бы каплю твоей любви и тепла. Я знаю, о чем говорю. Вместе мы справимся.

Ранами даже растерялась от такой, как ей показалось, незаслуженной похвалы.

– Спасибо, теперь мне стало легче. И как у тебя получилось найти нужные слова?

– Я столько лет с уверенностью говорила всякую чушь, – сказала Фалу и, улыбнувшись, зашагала вверх по тропинке. – Теперь вот наверстываю.

На повороте Ранами оказалась за спиной Фалу и увидела, что девочка смотрит на нее огромными темными глазами.

Когда она пришла в себя? Что успела услышать?

– Она очнулась, – сказала Ранами.

Фалу глянула через плечо:

– Девчонка?

Ранами кивнула.

– Идти сможешь?

– Да, – чуть слышно ответила девочка.

Фалу поставила ее на ноги. Девочка слегка покачнулась, хотя это больше было похоже не на слабость в ногах, а на попытку решить, стоит бежать или нет. Фалу и Ранами блокировали тропинку, и девочка предпочла не делать лишних движений. Ее ботинки были покрыты слоем грязи, но Ранами не сомневалась, что через дырки в носках выглядывают грязные пальцы.

– Как тебя зовут? – спросила Фалу.

– Вы хотите отрезать мне вторую руку? – вопросом на вопрос ответила девочка.

– Что? – опешила Фалу.

– Моя рука. Вы ее отрубите? – медленно и громко, как будто не была уверена в том, что Фалу ее поняла с первого раза, спросила девочка.

– Нет, с чего ты взяла? – ответила вместо Фалу Ранами, хотя она догадывалась, о чем идет речь.

Девочка подняла левую руку:

– Эту мне отрубили, когда я кое-что украла.

Фалу взялась за рукоять меча и, расправив плечи, гневно сверкнула глазами:

– Кто с тобой это сделал? Назови мне имя. Это мой отец приказал отрубить тебе руку?

Девочка съежилась, испугавшись, что разозлила Фалу.

– Это было не здесь. На другом острове. Он... он утонул.

Голова Оленя. Как она сумела проделать такой долгий путь? Ранами попыталась представить, что у этой девочки когда-то были любящие родители или другие сироты, для которых она была как своя. И все они утонули в Бескрайнем море. Ей до сих пор не верилось, что целый остров ушел под воду. Причем никто так и не смог понять, как и почему это случилось.

– Да ладно, теперь все уже зажило, – сказала девочка, помахав рукой с отрубленной кистью. – Если для вас это так важно, тот парень, который это сделал, уже, скорее всего, мертвый. Ну, просто...

– Как тебя зовут? – перебила девочку Ранами, потому что ей начало казаться, что этот их диалог с Фалу может длиться до бесконечности.

– Аиш.

– Никто не собирается отрубать тебе руку, – сказала Ранами. – Мы тут так не делаем.

Аиш глянула за спину Ранами:

– Вы меня туда заберете? В тот дворец?

– Да, мы там живем, – сказала Ранами.

Аиш убрала со лба мокрые волосы и с подозрением посмотрела сначала на Ранами, а потом на Фалу:

– Хотите меня наказать?

Ранами хорошо понимала причину ее настороженности. Если девочка приплыла на Нефилану с Головы Оленя, она могла и не знать, кто такая Фалу и как она выглядит.

– Нет, – вздохнула Ранами, – я сама когда-то была беспризорной сиротой и знаю, каково это – жить в сточных канавах. Мы на Нефилану не отрубаем бедным и голодным руки, мы им помогаем. Почему ты решила украсть кошелек?

Аиш снова с опаской посмотрела на Фалу, а потом на Ранами и сказала:

– Есть хотела.

У Ранами сработали старые инстинкты. Девчонка что-то скрывала. Да, она была голодной, но не один только голод подтолкнул ее на кражу кошелька.

А вот у Фалу не было таких инстинктов.

– Идем, надо уже накормить тебя чем-нибудь горячим.

Аиш сделала всего два шага, и у нее подкосились ноги, но Фалу успела ее подхватить и снова закинула себе на плечо.

– Вот так, все будет хорошо.

– Я должна вернуться... – пролепетала Аиш и во второй раз потеряла сознание.

Ранами подобрала подол плаща и, перепрыгнув через лужу, пошла рядом с Фалу.

– Что будем с ней делать? Она сказала, что хочет вернуться.

– Давай накормим ее и отмоем. Если хотим помогать беспризорным сиротам, может, начнем с того, что спросим их, чего они хотят? Мой отец и подобные ему причинили людям много вреда, я должна постараться это исправить.

Ранами следовало понимать, что Фалу, встав на этот путь, уже не свернет, она всегда и во всем шла до конца.

– Любимая, ты не можешь нести ответственность за весь тот вред, который причинил твой отец.

– Я все-таки попробую.

И дело тут было не только в страданиях простых людей. Ранами заметила, какое лицо было у Фалу, когда она поднялась из подземелья, где сидел ее отец. Она все еще чувствовала себя обязанной отцу, семейные узы все еще были слишком крепки. Возможно, она права и ее отец был не таким уж плохим человеком. Он любил ее. Но любовь не всегда делает человека лучше или добрее.

Впереди появились дворцовые стены. Стражник помахал им от ворот. Ранами подняла руку в знак приветствия, а потом наклонилась ближе к жене:

– Даже если бы ты могла компенсировать весь причиненный отцом вред, его все равно нельзя было бы отпускать на свободу.

– А как же прощение? – огрызнулась Фалу. – Как насчет того, чтобы жить дальше?

– Ты не можешь искупить вину отца, только он один может это сделать. А сейчас людям Нефилану нужна справедливость. Они хотят чувствовать себя в безопасности.

– Никто не может чувствовать себя в безопасности после Головы Оленя, – мрачно сказала Фалу, когда они проходили под аркой ворот. – Бедная девочка. У сирот жизнь и так несладкая, а тут ты теряешь место, которое считала своим домом. Это как во второй раз стать сиротой.

Аиш пошевелилась и тихо сказала:

– Я не с Головы Оленя. Сюда приплыла только сегодня утром. Тайком пробралась на корабль. Им это не понравилось. Выбросили меня за борт. Пришлось плыть самой.

У Ранами пересохло во рту. Этим утром? Неудивительно, что девочка не знала, кто такая Фалу.

– Ты приплыла с какого-то другого острова? Но была на Голове Оленя, когда он затонул.

– Нет. – Аиш с трудом приподняла голову и посмотрела Ранами в глаза. – Я с Унты.

– Унта не тонула, Голова Оленя утонула, – сказала Фалу, но голос ее прозвучал не слишком уверенно.

– Было землетрясение. Один толчок. Потом другой. А потом они уже не прекращались.

Аиш говорила тихо, но отчетливо, солдаты на стене вполне могли ее услышать, но Ранами вдруг поняла, что не может заставить себя двигаться быстрее, не может увести их в какое-нибудь более уединенное место.

Страх пустил корни у нее в животе.

– Унта утонула.

12 Йовис

Императорский остров

Письмо от безосколочных я сжег сразу, как только прочитал. Если бы его кто-то случайно нашел, для меня это был бы прямой путь на плаху. Я легко мог представить, как мама находит письмо и говорит: «Нельзя такие вещи разбрасывать где попало! Глупый мальчик. Ты заслуживаешь, чтобы тебе отрубили голову!»

Лампу притащить в трюм я не отважился, так что держал в руке маленькую свечку и вглядывался в темноту. Палуба раскачивалась, но я твердо стоял на ногах. Во влажный сезон Бескрайнее море редко бывает спокойным.

Чтобы наполнить паруса попутным ветром, на верхней палубе жгли умные камни, поэтому Мэфи с Траной, которые не переносили этого запаха, ретировались вниз. Я им сочувствовал, ведь они с таким удовольствием носились по палубе от кормы к носу и обратно и прыгали с борта в воду. Но Лин сразу дала понять, что это путешествие не прогулка и для нас важна скорость. Мне хотелось ее отговорить. Чем больше времени я проводил с Мэфи, тем меньше мне нравился запах умных камней, но я и так достаточно часто перечил императору. Даже мог себе представить, как мама, узнав об этом, начинает гадать – то ли я задался целью подставить шею под топор, то ли просто дурак.

В последние дни я стал склоняться ко второму варианту.

Если император, образно говоря, был ступкой, то Безосколочное меньшинство было пестиком, а я – незадачливым зернышком, попавшим в эту самую ступку.

Безосколочные писали о мече с белым клинком. Хотели, чтобы я его украл. Это же проще простого для героя, о котором в народе слагали песни. Да, я выжил после ранения отравленным ножом наемной убийцы, но я все-таки понимал, что не бессмертный. Моя плоть быстро срасталась, а кровь сама собой очищалась от яда, но я сомневался, что моя отрубленная голова способна сама пришить себя к шее, и не стремился проверять.

В трюме стояли ящики со старинными книгами, четыре резных сундука с осколками костей и несколько корзин с едой и всякими мелочами. Мне казалось, что в пещере под дворцом, где содержалась та жуткая конструкция, я видел какой-то меч на стене. Но я мог и ошибаться, ведь мне было чем там заняться. Однако, наблюдая за тем, как слуги спускали в трюм все это добро, я обратил внимание, что один сундук они отнесли в каюту Лин. Этот сундук я видел в пещерах под дворцом. Если Лин решила взять его с собой, то и меч могла тоже взять.

А еще мне в голову постоянно лезли мысли про спектакль «Восстание Феникса», в котором рассказывалось об уничтожении Аланги магическим мечом.

Когда я был маленьким, трупка только один раз дала представление на Анау, но магический меч целиком завладел моим воображением. И на моего младшего брата Оню, которому тогда было семь, он тоже произвел неизгладимое впечатление. Брат подыскал себе подходящую палку и расхаживал с ней, объясняя всем и каждому, что это магический меч. Папа только трепал его по волосам, а мама, поджав губы, напоминала, что даже герой, сразивший Алангу, должен мыть за собой посуду.

Я открыл крышку ближайшего ящика и пробежался пальцами по корешкам книг. Ничего особенного – обычные исторические книжки и легенды древних времен, даже один экземпляр «Восстания Феникса».

– Что ты здесь забыл?

Я развернулся кругом и увидел Лин. Она была в простой одежде для путешествий, шторы на ее лампе были закрыты, а когда она их открыла, я даже заморгал от яркого света. По лицу Лин поползли тени.

И как такая маленькая женщина может быть такой грозной?

– Уверена, обыск трюма не входит в твои обязанности. Или это тоже для моей защиты? Что-то я не вижу тут никаких опасных конструкций.

Кто-то прошел по верхней палубе у нас над головами. Я почувствовал, что начинаю потеть. Надо было что-то быстро придумать.

Я поднял руки и, как мне казалось, обезоруживающе улыбнулся:

– Вы поймали меня, ваше высочество. Я шпион и меня подослали выяснить, как сильно вы интересуетесь... – я достал из ящика «Восстание Феникса», – старинными пьесами. – Взвесил книгу на ладони. – Почему ее никто не переписал на новый лад? Как-то глупо думать, что Алангу одолели одним мечом.

Тут я слишком уж близко скатился к правде, но, как опытный обманщик, я давно понял, что глупая болтовня может быть очень полезной.

– Ты ведь не ждешь, что я целыми днями буду сидеть в своей каюте или охранять твою. На верхней палубе я только путаюсь под ногами. Вот подумал, что могу найти что-нибудь почитать.

Напряженные плечи Лин заметно расслабились, лицо стало не таким суровым. Она вздохнула, как будто я был своевольным ребенком, которому надо вправить мозги. Сердце у меня тоже успокоилось, потливость как рукой сняло.

– Ты мог бы спросить, – сказала Лин.

Ее лампа хорошо освещала трюм, так что я задул свечу.

– Беспokoить императора, чтобы взять почитать пару книг? Трюм не заперт, ящики тоже. Если бы ты не хотела, чтобы я сюда спускался, ты бы и трюм, и ящики заперла. Так ведь делают императоры?

Возможно, не стоило намекать на ее сходство с отцом, но я от страха стал хуже соображать и допустил оплошность. Теперь надо было все исправить, только я не знал как, не мог быстро подобрать нужные слова.

Лин прищурилась и протянула ко мне руку. Я сначала даже подумал, что она собирается меня ударить, но она просто забрала у меня книгу, и ее пальцы только слегка коснулись моих. У меня желудок запрыгал, как дельфин по волнам. Даже в дорожной коричневой тунике и штанах, с убранными в простой узел на затылке волосами, она была притягательной и даже, я бы сказал, манящей.

У меня сжалось горло, пришлось даже сглотнуть, прежде чем я сумел выдавить из себя:

– Или я допустил непростительную ошибку?

Я действительно чувствовал, что допустил непростительную ошибку, только это не имело отношения ни к книге, ни к трюму.

Лин посмотрела мне в глаза и почти сразу отвела взгляд.

Она покраснела? Или это такой свет от лампы?

– Эту возьму я, – сказала Лин, – специально за ней спустилась. А ты выбери себе другую. Только верни, когда дочитаешь.

С моей стороны было недостойно напоминать о запертых дверях. Я спустился в трюм, чтобы попытаться найти меч, я ее обманул, она отреагировала строго, но в то же время проявила снисходительность. Она слишком мне доверяла. Или я был слишком хорошим обманщиком. Или и то и другое.

Я неловко достал из ящика первую попавшуюся книгу и, даже не взглянув на название, сунул в наплечную сумку.

– Спасибо, ваше высочество. Я прочитаю и верну. Обещаю.

И после этого я, стараясь держаться от Лин подальше, насколько это было возможно, быстро прошел мимо нее. Ее волосы пахли жасмином, и этот аромат преследовал меня половину трюма.

Надо будет в следующий раз поставить у двери Мэфи. Надо соблюдать осторожность. Надо... надо проветрить мозги.

Выйдя из трюма, я полной грудью, как будто мне предстояло нырнуть на большую глубину, вдохнул пахнувший морской водой и старым деревом воздух. Сжал и разжал пальцы. В юности у меня бывали моменты, когда я не понимал, что чувствую. Но теперь я стал взрослым, я был вдовцом и достаточно долго прожил в своем теле, чтобы это понимать. Лин была... сложной. Она не была Эмалой, вообще на нее не походила.

Войдя в свою каюту, я обнаружил, что Мэфи лежит под покрывалом на моей кровати, а под лапами у него книга. Книга Аланги, которую я, казалось, целую жизнь назад нашел в убежище безосколочных. Она должна была лежать в моей сумке. Я прекрасно понимал, что книга не может быть сразу в двух местах, но все равно пошарил в сумке.

– Ты взял эту книгу из моей сумки?

Мэфи перелистнул когтем страницу.

– Нет.

Задаешь глупые вопросы, получай глупые ответы.

– Мэфисоло, – строго сказал я, и это привлекло его внимание. – Ты не можешь брать вещи, просто потому что тебе так захотелось.

Забавно, наверное, услышать такое от контрабандиста. От шпиона. Даже поняв, что между нами есть некая магическая связь, я все равно думал, что взял зверька, о котором должен заботиться. Странного такого, который умеет разговаривать. Но теперь у меня было чувство, будто я воспитываю непослушного подростка. Когда я задумывался о будущих собственных детях, у меня перед глазами возникала расплывчатая, как во сне или в мечтах, картинка, и она не имела ничего общего с детьми, которых я встречал в реальной жизни.

Мэфи вылез из-под покрывала, потянулся и боднул меня головой в бедро:

– Мне было скучно.

Лин я практически то же самое сказал в свое оправдание. Не это ли имела в виду мама, когда говорила, что моим наказанием за все совершенные проступки станут дети, которые будут вести себя, как я? Я почесал Мэфи за ушами, и мои пальцы сразу покрылись белой пылью.

– Ладно, а что интересного для тебя в этой книге? Ты ведь не умеешь читать.

Вообще-то, я уже начал учить его читать, но эта книжка, как я догадывался, была написана на языке Аланги. Я столько раз ее перелистывал в надежде понять смысл хотя бы нескольких слов, все без толку.

Можно обратиться за помощью к Лин, у нее во дворце богатая библиотека, да и кто знает, насколько широко она образованна?

Нет. Плохая идея. Теперь все мои мотивы покажутся ей подозрительными. Да и мне самому тоже. Я – капитан Императорской гвардии, но в открытом море нам вряд ли может угрожать нападение. Лучше избегать Лин, пока неловкость от этой встречи в трюме не улетучится. Хватит того, что у нас есть общий секрет. И того, что я вроде как сумел втереться к ней в доверие.

Мэфи положил лапу мне на колено:

– Это дневник. Написал кто-то по имени Дион.

У меня все похолодело внутри.

– Что?

– Я умею понимать некоторые слова.

– Как?

Он наклонил ко мне голову:

– Смотрю на них, и они становятся понятными.

У меня мысли забегали по кругу, как собака за собственным хвостом. Надо было замедлить их ход и постараться в них разобраться.

Если Мэфи понимает смысл некоторых слов на языке Аланги, это подтверждает мою теорию о том, что мы с Лин из Аланги. И значит, он может помочь мне расшифровать хоть что-то из дневника Диона. Дион – самый могущественный из Аланги. Я слышал о нем множество легенд. Теперь же я смогу узнать о них больше и отделить правду от выдумок, которыми меня пичкали в детстве.

Я положил книгу на колени и взял чистый лист бумаги. Рядом поставил низкую широкую чернильницу.

– Скажи, какие слова ты понял.

Дело шло медленно.

Я распознал слово, которое означало «Аланга», Мэфи – несколько других, хотя толковал их довольно расплывчато. Я сумел определить значение некоторых слов, исходя из темы, но целые предложения мне всё не давались.

Решив сделать небольшой перерыв, я попросил слугу принести мне ужин в каюту, ну и для Мэфи какой-нибудь еды. Он с удовольствием поел, а потом заглянул в мой листок:

– Что там написано? Понял уже?

Я указал на одно слово:

– Вот это означает «Аланга». Еще упоминается Сукай, так что здесь описывается начало их династии. А вот это слово, судя по тому, как ты мне это описал, означает «убивать» или «разрушать».

Я пролистал еще несколько страниц.

– Вот еще слова – «мужчины», «женщины», «дети». «Охота». Все.

Мэфи опустил голову, как будто опасался, что на нас вот-вот обвалится потолок.

– Да. Убийство. Всех убили.

– Аланга не могла убить представителей династии Сукай.

Я умолк. Ну конечно. Это же написано одним из Аланги. Так что это о том, как Сукай уничтожили Алангу. Мужчин, женщин, детей. Почему-то мне никогда не приходило в голову, что у Аланги были дети. Но, естественно, они были, даже если Аланга были бессмертными, они ведь должны были откуда-то взяться. Я так долго думал о них как о сверхъестественных существах. И все благодаря легендам, как Аланга, не заботясь, сколько погибнет людей, насылали на простых смертных всяческие бедствия и разрушения. А ведь у них были семьи.

– Сукай убили всех из Аланги. Ты прав. Устроили настоящую резню.

Я провел пальцем сверху вниз по странице, перелистнул и снова начал выискивать знакомые слова. Это был первый раз, когда я думал о поражении Аланги как о бойне. В представлениях и песнях это событие подавалось как славная победа. Простые люди победили и зажили свободно, без страха, что их уничтожит магия Аланги.

Но со временем их страх перед Алангой сменился страхом перед Сукай.

Мэфи обнюхал страницы.

– Что там еще?

– Я не уверен. Пытаюсь докопаться.

Я решил пролистать до конца, в надежде, что финал поможет понять общий смысл того, о чем писал Дион и что с ним самим случилось.

Почерк на последних страницах был более четкий, здесь автор, очевидно, сильнее давил пером на пергамент.

Мэфи, едва увидев последнюю страницу, весь как будто съезжился.

– Мне это не нравится. Пахнет злом. И похоже на зло.

Я почесал его за ухом:

– Эти слова не причинят тебе вреда. Обещаю. Их написали очень-очень давно, а тот, кто их написал, давным-давно умер.

Но прозвучало это как-то неубедительно, причем даже для меня самого. Было что-то зловещее в том, как маршировали по странице написанные Дионом слова.

Я потрянул головой и переставил поближе лампу. Большинство слов мне ни о чем не говорили, но последние предложения я понял почти целиком. Закончив чтение, я выронил перо. У меня дрожали пальцы, страх крепко схватил за горло.

Аланга вернется. И убьет. Всех.

13

Лин

Где-то в Бескрайнем море

Я никогда в жизни не выходила в море. После того как отец меня создал, я даже в гавани ни разу не была. И все же какие-то ощущения казались знакомыми.

Палуба раскачивается под ногами, брызги от волн, и ветер немилосердно треплет волосы.

Воспоминания, которые отец пытался вложить в меня, прорывались наружу. Он сжег тело своей жены, поэтому не мог вырастить меня из ее плоти. Возможно, поэтому воспоминания скрывались где-то внутри моей оболочки и не могли полностью мной завладеть.

Я взяла на корабль отцовскую флягу с воспоминаниями, а еще флягу с кровью Траны и машину памяти. Правда, храбрости сделать еще один глоток воспоминаний у меня не доставало. Пока. После того первого глотка меня еще несколько дней преследовали странные ощущения. Порой мне казалось, что если я посмотрю на свои руки, то увижу отцовские. Его личность словно накладывалась на мою.

Впереди показались очертания гор Рии, и я смогла разглядеть примостившиеся на зеленых склонах дома. Ветер дул попутный, небо было чистым, и я сказала капитану, чтобы он перестал жечь умные камни, мы и без них шли с хорошей скоростью. Потом выпустила Трану и Мэфи на верхнюю палубу. Они тут же промчались мимо меня и нырнули с борта в море. Трана, возможно, как и я, никогда не выходила в море, она вела себя как недавно оперившийся птенец – сначала робела, а потом быстро осмелела.

Я отвернулась от поручней и увидела Йовиса. Он переминался с ноги на ногу, как будто не мог решить, следует ли ему ко мне подойти. Но так как я продолжала на него смотреть, он, видимо, решил, что уйти в такой ситуации будет недостойно.

Он присоединился ко мне на носу и, облокотившись на деревянные поручни, спросил:

– Хорошо хоть ненадолго уплыть с Императорского, да?

Сердце у меня забилося чуть быстрее, но вскоре успокоилось. Когда я увидела, как Йовис в трюме заглядывает в ящик с моими книгами, мне стало очень неприятно. Сразу вспомнилось, как он следил за мной в пещерах под дворцом. Йовис был слишком умен, слишком любопытен и слишком уж любил нарушать правила этикета. Я не знала, как вести себя с ним. Насколько оставаться собой, а насколько быть императором. А тут еще оказалось, что нас связывает магия.

Впрочем, он был прав, я действительно заперла все важные для меня вещи в своей каюте. В кармане на поясе лежали ягоды дымчатого можжевельника, которые я успела собрать перед отплытием с Императорского. Наследие моего отца, я носила его с собой.

Я выкинула эти мысли из головы и согласилась с Йовисом:

– Да, действительно, хорошо выйти в море.

Дворец был моим домом, сколько я себя помнила. Но если хочешь править Империей, надо ее знать. Даже мои кратковременные вылазки в город значительно расширили мой кругозор.

Мы быстро приближались к Рие. Мне не терпелось пройтись по улицам столицы острова, увидеть местных жителей, почувствовать аромат и вкус их еды.

– Раз уж я правлю этими людьми, мой долг знать, как они живут.

Йовис приподнял бровь:

– Долг превыше всего? Неужели вы и вправду такая скучная, ваше высочество?

– А вот за это мне следовало бы отрубить тебе голову, – небрежно заметила я. – Император не может быть скучным.

Йовис, прищурившись, посмотрел в сторону гавани:

– Это следовало сделать до того, как в народе начали слагать обо мне песни. Теперь я накрепко связан с Империей.

– Песни не доспехи, к тому же их могут слагать и о мертвых.

– Да, но, согласись, песни о мертвых не такие привязчивые.

Я взглянула на тучи в небе, на бескрайнее море и на зеленый остров впереди, вдохнула соленый воздух и улыбнулась:

– Просто чудесно. Меня вывозили с Императорского, когда я была еще совсем маленькой, так что я ничего об этом не помню. А потом отец не выпускал меня за стены дворца. Я и в городе почти не была. Естественно, это плавание для меня – настоящее удовольствие.

Позади нас послышался скрип когтей по дереву: это Мэфи с Траной выбрались на палубу по свешенной за борт сети. Оба, естественно, насквозь мокрые. Тране наше путешествие явно шло на пользу, и не только потому, что в море она чувствовала себя гораздо свободнее и спокойней, чем во дворце. Она питалась только что пойманной рыбой, и шерсть у нее стала гуще, глаза ярче, а черные рога, которые во дворце были сухими и слоистыми, здесь стали гладкими и блестящими.

– Для того, кто первый раз вышел в море, ты отлично переносишь качку, – сказал Йовис, глядя на волны, и я заметила, как у него чуть дернулся уголок рта. – Может, тебе следовало стать контрабандистом?

– Да уж, забыла рассмотреть все варианты, перед тем как взойти на престол. – Я улыбнулась и посмотрела на забрызганную соленой водой тунику. – А сейчас мне надо переодеться. Ты тоже будь готов и своих стражников подготовь.

Мэфи попытался вырвать у Траны кальмара, которого она крепко сжимала в зубах.

– И не мог бы ты как-нибудь их высушить? Не хочу, чтобы они намочили ковры в губернаторском дворце.

– Будет исполнено, ваше высочество.

Облачение в императорские одежды оказалось настоящим испытанием. На подходе к гавани волнение моря усилилось. Три мои служанки из всех сил старались аккуратно повязать пояс и ровно приколоть к волосам головной убор правителя Империи Феникса, но их качало из стороны в сторону, а одна даже не устояла на ногах и отлетела к стене.

– Не волнуйтесь, закрепляйте как есть, – сказала я. – Когда зайдем в гавань, успеете все поправить. Никто не ждет, что я сразу сойду на берег.

Волны за бортом как будто повторяли волнение у меня в животе. Я сказала Йовису правду, мне действительно очень нравилось путешествовать по морю. Но в то же время впереди меня ждала первая встреча с одним из губернаторов. В последнее время они почти не общались с императором, лично отец встречался с ними, когда еще был молодым. А теперь мне надо добиться, чтобы они признали мою абсолютную власть.

Как только качка успокоилась, все три служанки поспешили поправить мои волосы и одеяния. В шелковом платье, вышитой мантии и императорском головном уборе я могла двигаться медленно и с трудом. Да, в таком наряде на дворцовую стену не заберешься.

– Осколки?

Служанки отошли в угол каюты и подняли за боковые ручки стоявший там резной сундук.

Все осколки живых людей, которые мой отец получил с Рии. Это был самый драгоценный дар, который я могла предложить губернатору.

Я открыла дверь и оказалась лицом к лицу с Йовисом – он как раз поднял руку, чтобы постучать. Мы стояли так близко, что я могла хорошо разглядеть тень щетины у него на подбородке и светлые крапинки в карих глазах. Он принес с собой запах моря, как будто вплетенный в его волосы.

– Простите, ваше высочество, я... – растерянно сказал он и отступил в сторону. – Мы пришвартовались, и прибыл посланник с приветствием от губернатора.

Почувствовав, что Йовис занервничал, оказавшись так близко со мной, я почему-то стала нервничать сама.

Шагнула из каюты и проскользнула мимо Йовиса.

– Где Трана и Мэфи?

– На верхней палубе вместе с твоими стражниками.

– Что ж, идем знакомиться с губернатором.

Я полагала, что губернатор должен ожидать нас у пристаней, но его там не было – он прислал своего представителя. Представителем оказалась высокая, нарядно одетая худая женщина с длинной черной косой.

Она поклонилась, а потом, когда я спустилась вместе с Траной по трапу, чуть не поклонилась во второй раз.

– Ваше высочество, – представитель облизнула пересохшие губы, – губернатор прислал меня поприветствовать вас и сопроводить во дворец.

Я быстро оглядела пристани и поняла, что представитель пришла встречать меня одна.

– Губернатор Рии не подумал встретить меня лично?

И тогда представитель поклонилась во второй раз:

– Простите меня... его... ваше высочество. Дворец на холме, а у губернатора большие колени.

Я переглянулась с Йовисом. Он поджал губы, удивленно поднял брови и едва заметно пожал плечами. Получалось, не я одна находила все это очень странным. Можно было потребовать, чтобы губернатор прибыл встречать меня лично, и подождать его на корабле, но у него не было стимула совершать переход от дворца до гавани. Со мной была свита стражников, но конструкции больше мне не подчинялись. Я поняла, что он хотел сказать таким приемом: спасибо за визит, но мы тут и без тебя прекрасно обходимся.

Я начала закипать и почувствовала, как загудели кости, но мне удалось унять злость – нельзя было терять самообладание. Паланкин я с собой не взяла, а губернатор, ясное дело, свой за мной не прислал. Он не мог знать о том, с какой легкостью я прыгаю по крышам домов императорского дворца. Да, мой наряд был тяжелым и для сильного мужчины, но ходить я все-таки могла.

– Ладно, показывай дорогу.

Дощатый настил пристани скрипел под ногами, черные силуэты рыб при появлении наших теней юркали в разные стороны.

Представитель губернатора молча вела нас по улицам самого крупного города Рии. Улицы здесь были шире, чем на Императорском, камни грубее и не настолько потертые от времени. Встречные уступали нам дорогу и кланялись, увидев мой головной убор, но без особого почтения и несколько настороженно. Впрочем, как я могла их за это винить? Они меня не знали. Я пока еще ничего для них не сделала, разве что отменила Праздники десятины, да и то совсем недавно.

Трана шла, то и дело прижимаясь плечом к моей ноге. Чтобы она не тревожилась, я положила ладонь ей на голову. Позади, судя по звукам, служанки остановились, чтобы передать тяжелый сундук стражникам.

Я скрипнула зубами.

Да, впереди был холм, но такой пологий, что на него без труда бы взбежал и самый слабый и хромой жеребенок. На вершине я увидела крыши губернаторского дворца.

И тут начался дождь.

Я по возможности старалась не носить императорские одежды, и легкий дождик никогда не был для меня проблемой. Стражники и служанки начали тихо переговариваться, пытаюсь

узнать, не взял ли кто-нибудь с собой зонт. Все мои придворные были новыми и неопытными. Это была моя первая дипломатическая поездка, а после семи лет сухого сезона люди еще не привыкли к дождям. В общем, зонтика ни у кого не оказалось.

Йовис посмотрел на меня и печально улыбнулся, как бы говоря: да, дела хуже некуда.

Какой-то стражник попытался предложить мне свой мундир, но я решила, что эти потуги минимизировать потери будут выглядеть совсем глупо, и отмахнулась:

– Думаю, губернатор простит нас, если мы после этого перехода перепачкаем ему все ковры.

У меня за спиной кто-то хмыкнул. Снова Йовис?

Я ускорила шаг, и представителю губернатора пришлось чуть ли не на бег перейти, чтобы со мной поравняться.

Нельзя позволять гневу взять надо мной верх. В конце концов, она не виновата в том, что мне оказали такой прием. Я это прекрасно понимала, но все равно не могла перестать думать о самонадеянном губернаторе, который сидит в своем дворце и ожидает моего прибытия.

Ворота во дворец были широко открыты. Когда мы прошли внутрь, к нам присоединились четыре губернаторских стражника. Двор был небольшой, но ухоженный. Я краем глаза заметила пруд с плавающими у самой поверхности золотыми рыбками.

Струйки дождя стекали по императорскому головному убору на мои тщательно уложенные волосы, а потом и по шее. Одежда начала прилипать к спине. Оставалось вознести хвалы Бескрайнему морю за то, что я не стала раскрашивать лицо.

И все же, поднимаясь по ступеням парадного крыльца, я наверняка являла собой то еще зрелище. И лицо у меня точно было мрачнее, чем собравшиеся в небе тучи.

Сопровождавшие нас стражники поспешили вперед, чтобы открыть двери. Я и не подумала замедлить шаг на пороге, чтобы счистить с обуви грязь. Промокшая мантия стала такой тяжелой, словно я волочила за собой чей-то труп.

Вспышка молнии осветила парадный вестибюль дворца. Да, погода соответствовала моему настроению.

В вестибюле было пусто, здесь нас тоже никто не встречал.

Женщина-представитель дважды мне поклонилась:

– Я схожу за губернатором. Примите наши извинения, ваше высочество. В последнее время навалилось столько хлопот, мы все забегались.

Я смотрела прямо перед собой, но почувствовала, как Йовис встал рядом.

Он наклонился и шепнул мне на ухо:

– Ваш гнев справедлив, ваше высочество. Просто... постарайтесь никого не убить.

И только после этих его слов я осознала, что у меня буквально вибрируют кости. Я понимала, что если топну ногой, если хорошо сконцентрируюсь, то смогу потряхнуть этот дворец от фундамента до крыши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.